

ЗАБОЕВ
КОНСТАНТИН ИГОРЕВИЧ

судья, председатель
4-го судебного состава
Арбитражного суда
Свердловской области,
кандидат юридических наук

ПУБЛИЧНАЯ ДОСТОВЕРНОСТЬ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕЕСТРА ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ И ВОЛЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

В результате реформы корпоративного законодательства в России публичная достоверность Единого государственного реестра юридических лиц приобрела принципиально иное звучание и перевела дискуссию о правовой природе отношений директора и юридического лица на новый уровень. Автор исследует применимость в новом законодательном поле критериев, выработанных практикой при разрешении вопросов недействительности сделок, совершенных лжедиректором, и отмечает четыре грубых порока волеобразования юридического лица при назначении единоличного исполнительного органа, установление каждого из которых, на его взгляд, должно влечь отказ в признании последствий сделок, совершенных таким руководителем, для юридического лица.

Ключевые слова: ЕГРЮЛ, публичная достоверность, воля юридического лица, недействительность сделок, представительство, лжедиректор

С развитием гражданского законодательства в целом и законодательства о юридических лицах в частности публичная достоверность стала неотъемлемым элементом правовой жизни общества. Безбрежный гражданский оборот немислим без заслуживающих доверия информационных ресурсов, ориентируясь на которые его участники имеют возможность минимизировать риски крушения бизнеса из-за недостоверной информации о личностях контрагентов и их имуществе.

Очередной шаг в этом направлении сделан отечественным законодателем с внесением изменений в

Гражданский кодекс (ГК) РФ Федеральным законом от 28.06.2013 № 134-ФЗ.

Статья 51 ГК РФ приобрела положения о том, что лицо, добросовестно полагающееся на данные Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ), вправе исходить из того, что они соответствуют действительным обстоятельствам, а юридическое лицо не вправе в отношениях с лицом, полагавшимся на данные ЕГРЮЛ, ссылаться на данные, не включенные в указанный реестр, а также на недостоверность данных, содержащихся в нем, за исключением случаев,

если соответствующие данные включены в указанный реестр в результате неправомερных действий третьих лиц или иным путем помимо воли юридического лица¹.

Принимая во внимание состав включаемых в ЕГРЮЛ сведений о юридическом лице и в известном смысле общественный запрос в отношении хозяйственного оборота, следует признать, что в значительной степени изменение Закона заключается в решении проблемы так называемых лжедиректоров. Таким этимологически примечательным термином именуют лицо, сведения о котором были включены в ЕГРЮЛ как о лице, имеющем право действовать от имени юридического лица без доверенности (единоличном исполнительном органе), однако в последующем корпоративный акт, положенный в основу внесения этих сведений (как правило, решение общего собрания участников юридического лица), был признан недействительным.

Поскольку *de lege lata* не имеется оснований полагать, что признанный судом недействительным корпоративный акт прекратился только на будущее время, то он, как и недействительная сделка, является таковым с момента совершения. Нужно отметить, что с 1 сентября 2013 г. закон содержит такое положение в п. 7 ст. 181.4 ГК РФ для оспоримых решений собраний, подразумевая, что ничтожные решения в подобной норме не нуждаются, но судебная практика и до этого исходила преимущественно из подобного толкования².

¹ Текст нормы приведен в редакции, введенной Федеральным законом от 05.05.2014 № 99-ФЗ, который исправил явную стилистическую неточность, заключающуюся в несогласованности окончаний слов «недоверенность данных».

² Сказанное следует из смысла постановлений Президиума ВАС РФ от 24.07.2007 № 3259/07, от 11.11.2008 № 10018/08, от 09.09.2008 № 6132/08, от 10.02.2009 № 11497/08, от 25.02.2009 № 13848/08, от 02.06.2009 № 2417/09, от 03.11.2009 № 9035/09, от 22.12.2009 № 9503/09, от 13.09.2011 № 3413/11. Исключение, пожалуй, составляет более раннее Постановление Президиума ВАС РФ от 30.05.2000 № 7563/98, где, оценивая наличие на момент совершения сделки соответствующих полномочий у директора общества, избранного решением собрания акционеров, которое впоследствии было признано недействительным, высший суд указал, что так как спорная сделка была совершена до вынесения судом решения о признании решения общего собрания акционеров недействительным, то необходимые для совершения сделки полномочия у директора имелись. Речь шла о событиях 1994–1995 гг., когда еще не существовал ЕГРЮЛ и не мог быть применен принцип публичной достоверности реестра, поэтому, очевидно, вывод был сделан исходя из утраты решением собрания силы только на будущее время. Справедливости ради отметим, что четко такой вывод в Постановлении не звучит, хотя и следует из него.

Ретроспективный эффект порока компетенции единоличного исполнительного органа порождает правовую неопределенность в отношении совершенных им от имени юридического лица сделок в период с момента избрания и до вступления в законную силу соответствующего решения суда³.

Масла в огонь, поддерживающий эту неопределенность, подливает и ранее господствовавшая в доктрине⁴ и судебной практике⁵ точка зрения о том, что директор является не представителем юридического лица, а его органом, что обуславливает невозможность применения к заключенным им от имени юридического лица сделкам положений ст. 183 ГК РФ, не только не влекущих недействительность сделок, заключенных неуполномоченным представителем, но и позволяющих их конвалидировать, исцелив имеющиеся пороки.

Это догматическое утверждение было положено в основу абстрактного толкования Закона, данного Высшим

³ Так как полномочия у лица, избранного в качестве единоличного исполнительного органа юридического лица его участниками, возникают с момента избрания, а не внесения записи в ЕГРЮЛ, то период после его избрания и до внесения записи об этом юридически индифферентен третьим лицам, основывающим свои знания о контрагенте на сведениях ЕГРЮЛ. Связанные с этим периодом проблемы не входят в сферу изучения данной статьи, так как более интересным представляется период нахождения лжедиректора в Реестре, а не отсутствия в нем.

⁴ См., напр.: *Черепяхин Б.Б.* Труды по гражданскому праву. М., 2001. С. 473; *Рясенцев В.А.* Представительство и сделки в современном гражданском праве. М., 2006. С. 169–186; *Иоффе О.С.* Избранные труды: в 4 т. Т. II. Советское гражданское право. СПб., 2004. С. 222–223; *Якушев В.С.* Избранные труды по гражданскому и хозяйственному праву. Екатеринбург, 2007. С. 223; Советское гражданское право: учеб. / отв. ред. О.Н. Садилов. М., 1983. С. 55; Гражданское право: учеб. Ч. I / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 2005. С. 127; Гражданское право: учеб. в 2 т. Т. I / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 1998. С. 192; Гражданское право России. Общая часть: курс лекций / отв. ред. О.Н. Садилов. М., 2001. С. 335–336; Гражданское право России. Часть первая: учеб. / под ред. З.И. Цыбуленко. М., 2000. С. 202; Гражданское право: учеб. в 3 т. Т. 1 / под общ. ред. С.А. Степанова. М., 2010. С. 249; Гражданское право: учеб. в 3 т. Т. 1 / под ред. Ю.К. Толстого. М., 2010. С. 336; Гражданское право. Часть первая: учеб. / отв. ред. В.П. Мозолин, А.И. Масляев. М., 2008. С. 300; *Белов В.А.* Гражданское право. Т. II. Общая часть. Лица, блага, факты: учеб. М., 2012. С. 571, и пр.

⁵ Постановления Президиума ВАС РФ от 09.02.1999 № 6164/98, от 30.05.2000 № 9507/99, от 08.10.2002 № 6112/02, от 08.10.2002 № 6113/02, от 21.09.2005 № 6773/05, от 01.11.2005 № 9467/05, от 06.12.2005 № 9341/05, от 11.04.2006 № 10327/05.

Арбитражным Судом РФ в Постановлении Пленума от 14.05.1998 № 9 «О некоторых вопросах применения статьи 174 Гражданского кодекса Российской Федерации при реализации органами юридических лиц полномочий на совершение сделок» и в Информационном письме Президиума от 23.10.2000 № 57 «О некоторых вопросах практики применения статьи 183 Гражданского кодекса Российской Федерации».

Из этих разъяснений в числе прочего следует, что п. 1 ст. 183 ГК РФ не может применяться в случае превышения органом юридического лица своих полномочий при заключении сделки и в зависимости от обстоятельств конкретного дела суду необходимо руководствоваться ст. 168, 174 ГК РФ и положениями Постановления Пленума ВАС РФ от 14.05.1998 № 9. В последнем же говорится о том, что если орган юридического лица действовал с превышением полномочий, установленных законом, то ст. 174 ГК РФ неприменима, а подлежит применению ст. 168 Кодекса, что с учетом ранее действовавшей презумпции ничтожности сделок, совершенных с нарушением закона, означало ничтожность сделки, заключенной от имени юридического лица неуполномоченным директором.

Если следовать этой логике, то неизбежен вывод о том, что хотя лжедиректор, строго говоря, не может быть признан органом юридического лица, так как ретроспективно утратил соответствующие полномочия и всякое отношение к юридическому лицу, но он также не может считаться и его представителем в смысле ст. 183 ГК, поскольку действовал от его имени без доверенности как единоличный исполнительный орган. Таким образом, совершенные им от имени юридического лица сделки надлежит оценивать с точки зрения ст. 168 ГК.

Подобная квалификация отношений лишает оборот одного из эффективных способов защиты его стабильности. Ведь даже лжедиректор мог совершить сделки во благо юридического лица, исполнение которых не нарушает чьих-либо прав.

Возможно, именно это расхождение с популярным правилом *jus est ars boni et aequi* стало первопричиной обращения практики к принципу публичной достоверности Реестра юридических лиц еще до того момента, как он подобающе был закреплен в позитивном праве. Вместе с тем абсолютизация этого принципа могла бы привести к перегибу в другую сторону, когда

ради стабильности оборота низвергались бы интересы добросовестных участников юридического лица, потерпевших от незаконных корпоративных захватов, а необъяснимая с разумной точки зрения легкость внесения налоговыми органами записей в ЕГРЮЛ по российскому законодательству неизбежно привела бы к всплеску злоупотреблений с этой стороны.

В связи с этим возникла необходимость в ограничителе сферы распространения принципа публичной достоверности. Уравновешивающим его и заслуживающим защиты правовым интересом стала *bona fides* контрагента юридического лица по сделке, заключенной лжедиректором.

Третьим элементом защитного механизма стало отражение еще одной контрверзы, а именно доктринального спора о характере решений общих собраний участников корпоративных юридических лиц, т.е. о том, являются они сделками или нет⁶. Не вдаваясь в подробности мотивировок этой дискуссии, отметим, что глава 9.1 ГК РФ выступила здесь примиряющим компромиссом, так как, с одной стороны, в ней терминологически явно обозначен сделочный характер решений собраний и ее «географическое» располо-

⁶ См.: Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В. Односторонние и многосторонние сделки // Вестник ВАС РФ. 2012. № 7; Андреев В.К. Решения собраний // Цивилист. 2013. № 3; Архипов Б.П. Юридическая природа фактического состава, опосредующего реорганизацию акционерного общества // Законодательство. 2002. № 3; Вилкин С.С. О нормативной теории решения органа юридического лица // Вестник Гражданского права. 2008. № 2; Ломакин Д.В. Очерки теории акционерного права и практики применения акционерного законодательства. М., 2005; Родионова О.М. О правовой природе решений собраний и их недействительности в германском и российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2012. № 5; Ганижев А.Я. Правовая природа и виды решения общего собрания хозяйственного общества // Журнал российского права. 2012. № 8; Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. М., 2005; Мельникова Т.В. К вопросу о правовой природе актов органов юридического лица // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 6; Терентьева Н.С. К вопросу о правовой природе решения общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью в свете реформирования гражданского законодательства // Юрист. 2013. № 9; Иванишин П.З. Решение собрания как основание возникновения гражданских прав и обязанностей // Гражданское право. 2011. № 2; Добровольский В.И. Правовой статус решения собрания акционеров // Современное право. 2009. № 3, и т.д. (цит. по: СПС «КонсультантПлюс»). Также см.: Тарасенко Ю.А. Юридическая личность корпораций в связи с проблемой юридической природы некоторых корпоративных актов. Корпоративное право: Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. М., 2009. С. 290–291.

жение в Кодексе также говорит само за себя, но с другой — факт самостоятельного регулирования решений собраний этой главой в отсутствие четкого дефинитивного отождествления их со сделками и с учетом выделения в подп. 1.1 абз. 2 п. 1 ст. 8 ГК решений собраний в отличие от сделок основание возникновения гражданских прав и обязанностей не позволяет утверждать об отношении Закона к решениям собраний как к сделкам.

Однако сделочный характер решений собраний признавался в судебной практике задолго до вступления в силу главы 9.1 ГК РФ.

Например, в совместных Постановлениях Пленумов Верховного и Высшего Арбитражного судов РФ от 02.04.1997 № 4/8 «О некоторых вопросах применения Федерального закона „Об акционерных обществах“» (п. 9) и от 09.12.1999 № 90/14 «О некоторых вопросах применения Федерального закона „Об обществах с ограниченной ответственностью“» (п. 24), а также в Постановлении Пленума ВАС РФ от 18.11.2003 № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона „Об акционерных обществах“» (п. 26) имелись положения о том, что даже в отсутствие прямого иска о признании решения собрания участников недействительным оно может быть признано судом не имеющим юридической силы в случае наличия в нем грубых пороков (нарушение компетенции собрания, отсутствие кворума, решение вопросов, не включенных в повестку дня).

Позднее Федеральным законом от 19.07.2009 № 205-ФЗ сходные положения были включены в тексты Федеральных законов от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (п. 6 ст. 43) (далее — Закон об ООО), от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (п. 10 ст. 49) (далее — Закон об АО), от 08.12.1995 № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» (п. 7 ст. 30.1) (далее — Закон о СХК), от 08.05.1996 № 41-ФЗ «О производственных кооперативах» (п. 7 ст. 17.1) (далее — Закон о ПК).

Другими словами, суды уже имели на вооружении механизм оценки решений собраний как фактически ничтожных, пусть и с использованием синонимичной формулировки, что позволяло в юридическом обиходе делить порочные решения собраний на оспоримые (которые не имеют перечисленных выше грубых пороков, но проведены с иными существенными нарушениями закона, на-

пример без извещения о собрании некоторых участников) и ничтожные (имеющие упомянутые грубые пороки).

Три элемента позиции, призванной уравновесить борьбу против сделок лжедиректоров со стабильностью хозяйственного оборота (публичная достоверность ЕГРЮЛ, добросовестность контрагента, основания порочности исходного для полномочий директора решения собрания), и легли как общие критерии оценки обстоятельств дела в основу судебной практики⁷, сложившейся к настоящему времени в отношении сделок лжедиректоров и иных последствий их действий.

Так, из Постановлений Президиума ВАС РФ от 24.07.2007 № 3259/07 и от 10.02.2009 № 11497/08 следует, что при избрании директора оспоримым решением собрания (которое было признано недействительным по основаниям, не входящим в число грубых пороков) и внесении записи о нем как о единоличном исполнительном органе в ЕГРЮЛ, совершенные им от имени юридического лица до судебного разрушения оснований его компетенции сделки являются действительными (разумеется, если не имеют иных дефектов, не связанных с неисправностью такого подписанта). То есть при наличии других двух условий (внесения записи о лжедиректоре в Реестр до сделки и добросовестности контрагента по ней) в целях защиты контрагента сделка, несмотря на порок компетенции подписанта, по сути, конвалидировалась.

Надо иметь в виду, что внесение записи в ЕГРЮЛ в этой ситуации имеет значение лишь для защиты третьих лиц, полагававшихся на сведения Реестра, так как сами по себе полномочия директора возникают с момента его избрания, а не открытия общего доступа к информации об этом общедоступной⁸.

В свою очередь, из постановлений от 11.11.2008 № 10018/08, от 02.06.2009 № 2417/09, от 03.11.2009 № 9035/09, от 22.12.2009 № 9503/09 следует, что если полномочия директора были основаны на ничтожном решении собрания, пусть и признанном впоследствии

⁷ Речь пойдет только о судебных актах Президиума ВАС РФ, так как изучение практики иных арбитражных судов, к сожалению, не приводит к единому знаменателю.

⁸ Постановления Президиума ВАС РФ от 14.02.2006 № 12049/05, № 12580/05 и № 14310/05.

недействительным по прямому иску (необязательному в силу его ничтожности), то все его действия, а значит, и сделки являются ничтожными, так как само не имеющее юридической силы решение собрания не порождает никаких последствий, и они не могут наступить даже с помощью принципа публичной достоверности ЕГРЮЛ.

При этом в Постановлении от 11.11.2008 № 10018/08 Президиум ВАС РФ все равно отказал в иске о признании недействительной совершенной лжедиректором сделки, поскольку иск имел негационный характер и к реальному восстановлению прав общества-истца не вел (истец не просил о применении последствий недействительности сделки либо викации имущества). Но это скорее является особенностью обстоятельств конкретного дела, так как общее выработанное правило заключалось в цепочке «ничтожное решение собрания — ничтожные полномочия — ничтожные сделки».

Примечательно и Постановление от 22.12.2009 № 9503/09, поскольку в дополнение к этому выводу, отказывая в защите контрагенту юридического лица по сделке, совершенной лжедиректором, Президиум ВАС РФ сослался в качестве мотива на его осведомленность о пороке компетенции директора другой стороны сделки, т.е. установил недобросовестность этого контрагента. По сути, Суд сформулировал правило о том, что такая недобросовестность также не может излечиваться публичной достоверностью Реестра, так как последняя существует для защиты только заслуживающих того интересов, а информационная открытость Реестра создана для неосведомленных, а не для знающих, но притворяющихся несведущими и пытающихся извлечь выгоды из такого притворства лиц⁹.

Надо отметить, что вмешательство в дела юридического лица, связанные с избранием единоличного исполнительного органа, могут осуществлять и третьи лица (при так называемых рейдерских захватах), в том числе путем совершения различных преступлений, подделки документов и пр. Безусловно, публичная достоверность не может в такой ситуации защищать контрагентов захва-

ченного юридического лица, которым производится отчуждение имущества, поскольку их аффилированность с захватчиками, как правило, хорошо замаскирована.

Конечно, личной связи покупателей и недобросовестного продавца в таких случаях может и не быть, но принимая во внимание полное отсутствие воли юридического лица как на внесение изменений в ЕГРЮЛ, так и на отчуждение имущества, последнее подлежит безусловному возврату прежнему владельцу, в том числе применительно к правилам п. 1 ст. 302 ГК РФ. Сказанное подтверждается Постановлениями Президиума ВАС РФ от 09.09.2008 № 6132/08, от 25.02.2009 № 13848/08 и от 13.09.2011 № 3413/11.

Таким образом, в основу оценки действительности заключенных лжедиректором сделок была положена прежде всего оценка степени порока решения собрания, на котором основаны его полномочия. Соответственно, при установлении оспоримости решения собрания полномочия дефектного директора подвергались санации с помощью публичной достоверности и при условии добросовестности контрагента по сделке.

Однако вся приведенная и сложившаяся на сегодняшний день практика была основана на применении до реформенного ГК РФ, и задача настоящего исследования — выявить наличие или отсутствие причин для ее изменения исходя из текста действующего Закона.

На первый взгляд положения абз. 2 п. 2 ст. 51 ГК РФ только впитали и изложили вышеописанные подходы судебной практики, однако системное применение нового Закона вскрывает новые проблемы.

Как хорошо забытое старое, с новой силой заиграла проблема правовой природы отношений директора и юридического лица.

Так, наименование «профильного» в этом отношении состава недействительности сделок (ст. 174 ГК и текст ее второго пункта) явно и недвусмысленно свидетельствует о том, что законодатель не относит орган юридического лица к числу его представителей¹⁰.

⁹ Аналогичный подход к исключению из принципа публичной достоверности в отношении подлежащего государственной регистрации договора аренды недвижимого имущества применен в п. 4 Обзора судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными, распространенного Информационным письмом Президиума ВАС РФ от 25.02.2014 № 165.

¹⁰ Это отношение законодателя в тексте п. 2 ст. 174 ГК настолько выпукло, что сама норма получилась очень громоздкой, а с технико-юридической стороны крайне неудачной, разве

Тем не менее это не помешало тому же законодателю внести в текст п. 1 ст. 53 ГК РФ, повествующий об органах юридического лица, ссылку на п. 1 ст. 182 Кодекса, т.е. на общую норму о представительстве. При этом в отсутствие в Законе четко прописанного правила о применении норм о представительстве к органам юридического лица (либо их отождествлении), учитывая положения ст. 174 ГК, наличие такой ссылки в п. 1 ст. 53 является двусмысленным, так как может означать как их отождествление (и тогда мы получаем крайне нехорошую антиномию основного хозяйственного Закона, вносящую правовую неопределенность в значимую для оборота сферу регулирования), так и некое разъяснение того, что сделка, совершенная директором от имени юридического лица, непосредственно создает, изменяет и прекращает гражданские права и обязанности юридического лица и что его полномочия могут явствовать для третьих лиц из обстановки, в которой такой орган юридического лица действует. Второе предположение, за исключением, пожалуй, явствования полномочий из обстановки, представляется излишним и потому маловероятным.

Полагаем, что с прагматической точки зрения сам по себе отход от категорического отрицания близости правовой природы полномочий органов юридического лица и полномочий представителей не является доктринальной либо законодательной катастрофой. Впрочем, законодателю в любом случае следует ответить на вопрос об их соотношении более внятно, так как этого требуют интересы правовой стабильности и единообразия судебной практики¹¹.

что подчеркивающей обострение соответствующего спора. На наш взгляд, много лучше было бы внести в Закон короткое положение о распространении предусмотренных им для представителей правил на органы юридического лица, чем так отягощать текст ГК. Хотя, может, именно такое высказывание явилось бы камнем преткновения, и, избегая его, разработчики принесли в жертву читаемость нормы.

¹¹ Одним из вариантов такого ответа могло бы быть изменение (сокращение) редакции ст. 174 ГК РФ путем упоминания в ней только представителей, что отчасти сняло бы противоречие и с учетом действующей редакции п. 1 ст. 53 ГК РФ явило бы волю законодателя на применение к органам юридических лиц тех же правил. Но оптимальным видится введение в ГК отдельной лаконичной нормы о применении к действиям органов юридического лица тех же правил и запретов, которые распространяются на представителей. В этом случае текст п. 2 ст. 174 ГК можно было бы сократить, оставив в нем только представителей, а п. 1 ст. 53 ГК вернуть в прежний вид.

Данная метаморфоза законодателя отчасти основана на незапамятных и в известной степени метафизических спорах относительно правовой природы юридического лица как несомненного шедевра римской юридической техники¹², особой синтетической личности, представляющей собой правовую конструкцию, продукт правовой инженерии¹³, влияющий на квалификацию правовой связи с ним его органов. Думается, что определенная их рекапитуляция в настоящем исследовании неизбежна.

Наиболее давней является теория фикции, созданной разумом (*persona ficta*), изначальное выдвигание которой приписывается папе римскому Иннокентию IV в 1265 г. в связи с обоснованием утверждения о том, что корпорация не может быть отлучена от церкви, так как не имеет души¹⁴. Это один из ярких примеров влияния канонического права на классические частнопровые конструкции, учитывая структурную незавершенность юридического лица в *Corpus juris civilis*.

В дальнейшем эта теория была подхвачена и развита такими ведущими цивилистами, как Ф.К. Савиньи¹⁵, Д.Д. Гримм¹⁶, Д.И. Мейер¹⁷, Г.Ф. Шершеневич¹⁸ и многие другие.

По нашему мнению, теория фикции юридического лица как «искусственно предположенного субъекта, способного к имущественным правам»¹⁹ является наиболее логичной и простой к пониманию даже исходя из этимологии термина «лицо юридическое» (как *nomen juris*), специально созданного для обозначения измышленного субъекта, который «допускается только в юридических целях»²⁰ и является «бесплотной идеей»²¹.

¹² См.: Зом Р. Институции. История и система римского гражданского права. Кн. 1: Общая часть и вещное право. М., 2014. С. 53.

¹³ См.: Архипов С.И. Субъект права: теоретическое исследование. СПб., 2004. С. 357.

¹⁴ Цит. по: Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. М., 2000. С. 64–66.

¹⁵ Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права: в 8 т. Т. II / под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М., 2012. С. 132–134.

¹⁶ Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права / под ред. В.А. Томсинова. М., 2003. С. 80–83.

¹⁷ Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. Ч. I. М., 1997. С. 120–126.

¹⁸ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М., 1995. С. 88–93.

¹⁹ Савиньи Ф.К. фон. Указ. соч. С. 134.

²⁰ Там же.

²¹ Мейер Д.И. Указ. соч. С. 126.

В последующем в результате переосмысления теории фикции были созданы схожие теории целевого имущества о бессубъектном имуществе, персонифицирующемся в фигуре юридического лица (А. Бринц), и коллективной собственности, признававшей юридическое лицо приемом коллективного обладания имуществом со стороны людей (М. Планиоль). Р. Иеринг выдвинул теорию интереса, в соответствии с которой права и обязанности юридического лица в действительности принадлежат дестинаторам — физическим лицам, использующим общее имущество и получающим от него выгоды²². О. Гирке, напротив, полагал, что юридическое лицо представляет собой реальный телесно-духовный организм, союзную личность (органическая теория)²³.

Жаркие дебаты о сущности юридического лица, участвовать в которых считал своим долгом каждый талантливый цивилист, не утихали на протяжении всего развития права. Феномен коллективного субъекта, искусственно созданный не построившими его цельной теории римскими юристами и бравший начало своего рода в лишь очень отдаленно похожем на него товариществе (римская *societas*), не давал покоя юридическим умам, желающим завершить древний труд. Но ввиду отсутствия единых источников для экзегетики дефиниции этого субъекта не было единства и в выводах ученых, каждый из которых стремился принести в доктрину что-то новое.

Изменения общественно-политического строя в Российской Федерации не могли не отразиться на парадигме частного права. Отринутая в социалистический период теория фикции юридического лица²⁴ была заменена теорией социальной реальности (Д.М. Генкин), теорией государства (С.И. Аскназий), теорией коллектива (С.Н. Братусь), теорией директора (Ю.К. Толстой) и прочими доктринальными разработками советских цивилистов²⁵, вынужденных примирять классические

конструкции частного права с распорядительно-плановой экономикой, приматом государственной собственности и пропагандируемым духом коллективизма.

Сегодня уже не связанная политизацией доктрина вновь возвращается к прежним взглядам на юридическое лицо, в частности к теории фикции²⁶.

Конечно, нас прежде всего интересует то, как доктринальные споры о конструкции юридического лица отражаются на природе полномочий его органов, в особенности в российской юридической науке, тем более принято считать, что сторонники теории фикции охотно усматривают в деятельности директора представительский характер, а сторонники органической теории или теории коллектива — признаки органа юридического лица, не тождественного представителю²⁷. Но это верно лишь отчасти.

Так, Ф.К. Савиньки как один из самых видных приверженцев и разработчиков теории фикции писал, что действиями юридических лиц считаются действия их представителей²⁸.

Д.И. Мейер, критикуя сторонников органической теории и теорию интереса о фигуранте и дестинаторах, тем не менее об органе юридического лица говорит, что его можно назвать представителем только в том смысле, что он составляет физическую сторону, тело юридического лица, с которым орган совершенно сливается²⁹.

Также он отмечал: «Таким образом, оказываются в юридическом быту лица, по природе своей не спо-

²² Отчасти эту теорию поддерживал также Н.Л. Дювернуа. См.: Дювернуа Н.Л. Чтения по гражданскому праву. Т. 1: Введение, Учение о лице / под ред. В.А. Томсинова. М., 2004. С. 419.

²³ Подробнее см.: Суворов Н.С. Указ. соч. С. 62–187.

²⁴ См., напр.: Кулагин М.И. Избранные труды. М., 1997; Венедиктов А.В. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. II. М., 2004. С. 395–407.

²⁵ Генкин Д.М. Юридические лица в советском гражданском праве // Проблемы социалистического права. 1939. № 1. С. 91; Он же. Значение применения юридической личности во внутреннем и внешнем товарообороте СССР // Сборник научных трудов Института народного хозяйства. Вып.

IX. М., 1955. С. 17; Аскназий С.И. Об основаниях правовых отношений между государственными социалистическими организациями // Ученые записки Ленинградского юридического института. Вып. IV. Л., 1947. С. 5; Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М. — Л., 1948. С. 657–672; Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М., 1947; Он же. Субъекты гражданского права. М., 1950; Толстой Ю.К. О государственных юридических лицах в СССР // Вестник Ленинградского университета. 1955. № 3; Грибанов В.П. Юридические лица. М., 1961. С. 46–52 (цит. по: Суханов Е.А. Гражданское право: в 2 т.: учеб. Т. I. М., 1998. С. 176).

²⁶ См.: Белов В.А. Указ. соч. С. 130–133.

²⁷ См.: Егоров А.В. Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: Избранные постановления за 2009 год с комментариями / под ред. А.А. Иванова. М., 2012. С. 219–220; Козлова Н.В. Указ. соч.

²⁸ См.: Савиньки Ф.К. фон. Указ. соч. С. 206.

²⁹ См.: Мейер Д.И. Указ. соч. С. 125.

собные к гражданской деятельности, — вот куда идет признание личности за отвлеченными понятиями. Но юридический быт находит средство помочь этому недостатку. Средство состоит... в том, что создается орган юридического лица, действия которого считаются действиями самого юридического лица: признавая существование юридического лица, законодательство в то же время определяет орган, через который оно должно проявлять свою гражданскую деятельность»³⁰.

С этой точки зрения (отчасти схожей в видении директора с позициями многих органических теорий) директор как орган юридического лица предстает в виде телесной сущности мнимого субъекта, не будучи субъектом самостоятельным, а как бы являя собой юридическое лицо объективной реальности. Формируя фикцию, законодатель наделяет ее телом, существом, обладающим способностью к фактическим действиям, которые могут создавать юридические последствия. Без этого лица (лиц) фикция пуста и нежизнеспособна.

Развивая мысли Д.И. Мейера в кратком, но ярком учебнике гражданского права, Е.В. Васильковский также признает юридическое лицо олицетворенным понятием, т.е. фикцией — заведомо ложным предположением, принятым с целью облегчить объяснение какого-либо факта, и говорит, что управители учреждений рассматриваются действующими не от своего имени, а от имени воображаемого лица, в качестве его представителей. Отсюда, заключает автор, видно, что приписываемая юридическим лицам правоспособность, фикция не дает им дееспособности. В этом отношении они походят на малолетних и умалишенных, которые тоже считаются неспособными к юридическим действиям и могут совершать их через представителей — опекунов³¹.

Отмечая отсутствие воли и неспособность к заключению сделок у юридического лица в силу его природы, также приравнивая его к недееспособным субъектам, Г.Ф. Шершеневич говорил о законном представительстве юридического лица в гражданском обороте как способе участия в нем³², иными словами, признавая такими представителями органы юридического лица.

Приверженец теории фикции Д.Д. Grimm тоже исходил из отсутствия дееспособности у юридических лиц, указывая на то, что все лица, отправляющие совместно или раздельно функции управления, распоряжения и контроля, рассматриваются как представители целого, т.е. юридического лица, от имени, в интересах и за страх которого они действуют в каждом отдельном случае³³.

Даже Ю. Барон, выдающийся представитель немецкой юриспруденции, в большинстве своем не жаловавшей ортодоксальную теорию фикции, говорил о том, что «если известная сумма имущества исключительно посвящается для осуществления определенной цели, то эта цель уподобляется человеку: право наделяет ее той же способностью к имущественным правам, что и отдельного человека; эта цель фиктивно возводится в лицо... Содержание этой фикции состоит в приравнивании неизменно установленных, фиксированных целей к человеку, свободно определяющему свои цели... Субъект корпорационного имущества, цель, не обладает дееспособностью (потому что действия могут только исходить от имеющего свободную волю человека); поэтому корпорация для управления своим имуществом нуждается в представительстве физических лиц, действия которых имели бы значение действий корпорации»³⁴. О представительстве не способной к заключению сделок *universitas* в лице ее органов, основанном на уставе *universitatis*, устанавливающим их компетенцию, писал и К.Ф. Чиларж³⁵.

В.И. Синайский, отрицая теорию фикции юридического лица и говоря о том, что раз юридические лица существуют, то в этом смысле они реальны, а не фиктивны, тем не менее приходил к выводу, что поскольку юридическое лицо есть еще и учреждение (а не только союзная личность), то само по себе оно не имеет дееспособности, практический вопрос в отношении которой решается таким образом, что за юридическим лицом признается способность к действиям в лице его органов. При этом орган не следует смешивать с представителем, так как первый есть часть юридического лица, а второй стоит вне его³⁶.

³⁰ Мейер Д.И. Указ.соч. С. 126.

³¹ См.: Васильковский Е.В. Учебник гражданского права. М., 2003. С. 103–109.

³² Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 93, 128–131.

³³ См.: Grimm Д.Д. Указ. соч. С. 97.

³⁴ Барон Ю. Система римского гражданского права: в 6 кн. СПб., 2005. С. 115–116, 125.

³⁵ Чиларж К.Ф. Учебник институций римского права. Ч. 1. М., 2014. С. 87.

³⁶ См.: Синайский В.И. Русское гражданское право. М., 2002. С. 114, 121–122.

Ю.С. Гамбаров присоединяется к высказыванию М. Планиоля, исповедующего теорию коллективной собственности, о том, что под именем юридического лица надо понимать коллективные имущества, взятые врозь от других и состоящие в отличном от индивидуальной собственности обладании более или менее значительных групп людей, критикуя при этом идею фикции юридического лица за ее поверхностность³⁷.

И.А. Покровский, также критикуя теорию фикции юридического лица, справедливо замечает, что природу последнего следует изучать с точки зрения не осязаемой реальности, а реальности правовой, где самый физический человек, превращаясь в субъекта прав, утрачивает в значительной мере свою реальность естественную. Юридическое лицо, по его мнению, является живой клеточкой социального организма, составляет продолжение индивидуальных лиц, личность и воля которых продолжает жить в создаваемых ими образованиях³⁸.

Представляется, что истина, как это часто бывает, находится где-то посередине позиций спорящих.

Как верно отмечает В.А. Рахмилович, в определенной мере вторя И.А. Покровскому, право в целом со всеми его институтами (а не только юридическое лицо) является не имеющим вещественной физической субстанции результатом психической деятельности людей и в этом смысле его, если угодно, можно считать фикцией. Тем не менее, как все элементы общественного сознания, оно существует вне и независимо от каждого отдельного индивида и является частью внешнего для него реального мира³⁹.

Утрируя такое понимание права, германский цивилист Г. Буркгард предлагал вообще распространить понятие юридического лица на все возможные субъекты прав, в том числе и на естественного человека. По его мнению, «юридический порядок может и мертвых признавать продолжающими жить, может и по истечении столетий воскрешать их к новой

жизни, признавая землю, движимость и проч. собственностью святого, кости которого давным-давно истлели, может богов облекать юридической личностью и заставляя их заключать договоры устами жрецов, может даже животных и неодушевленные части природы делать лицом, может давать юридическое бытие понятиям, как добродетель, красота, распутство, бедность... Потребность усвоить идеям реальное существование так велика, что и наш язык не в состоянии говорить о них иначе, как олицетворяя их: мы говорим, что честь требует, целомудрие оскорбляется, благотворительность призывает, долг повелевает, добродетель торжествует, порок наказывается и проч.»⁴⁰.

Но, как говорил Гораций, *est modus in rebus*, и, наверное, понимание права тоже должно иметь свою меру, чтобы не превращаться в нонсенс.

Действительно, физическое лицо — такая же правовая абстракция (фикция), как и лицо юридическое⁴¹, что почему-то используется противниками теории фикции как доказательство своей правоты.

И это не солипсизм, который И.А. Покровский также подвергает сомнению как доктринальную крайность⁴², а отражение объективной и осязаемой реальности в зеркале многовековых теоретических разработок юридической мысли, во-первых, выделяющем (видящем) из всего многообразия явлений и событий материального мира только юридически значимые, во-вторых, создающем в дополнение к ним новые конструкции для удобства функционирования этого придуманного мира, положительные результаты которого в виде конкретных продуктов потребления в конечном счете поступают в мир осязаемый.

В этом ключе теория фикции была понята ее критиками формально, а теории реальности юридиче-

³⁷ Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть / под ред. В.А. Томсинова. М., 2003. С. 463.

³⁸ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 147, 157–158.

³⁹ См.: Рахмилович В.А. Гражданское право России. Общая часть: курс лекций / отв. ред. О.Н. Садилов. М., 2001. С. 167.

⁴⁰ Правда, в своих рассуждениях Г. Буркгард доходил до полного абсурда, утверждая, что юридическое лицо может быть облечено всеми семейственными правами и подобно тому, как казначей принимает за него деньги, может через представителя вступать в брак, консуммировать его (!), осуществлять дисциплинарную власть над детьми. Цит. по: Суворов Н.С. Указ. соч. С. 115–116.

⁴¹ См.: Тарасенко Ю.А. Указ. соч. С. 272.

⁴² Покровский И.А. Указ. соч. С. 147.

ского лица оказались излишне схоластичны. Как верно отмечает В.А. Белов, «вопрос о фиктивном и реалистическом направлениях в объяснении существования юридического лица — это, по сути, лишь вопрос о пределах применения и предмете вымысла... реалистическое направление в объяснении существования юридического лица есть не что иное, как доведенное до логического конца (абсурда) направление фиктивное»⁴³.

И.А. Покровский утверждал, что теория фикции верна только с точки зрения наивного реализма, воспринимающего реальным только то, что более или менее осязаемо⁴⁴. Однако насколько оправданным является полный уход в правовую вселенную и восприятие ее искусственно созданных разумом человека конструкций как существующих в действительности?

Человек, прежде чем стать физическим лицом как субъектом гражданского права, проходит через определенную метаморфозу, проецируясь в правовую реальность из осязаемой. Да, оперируя понятием «физическое лицо», мы используем лишь отражение осязаемой личности, его правовую маску⁴⁵, однако не забываем о том, что это отражение реальности. Используя же понятие «юридическое лицо», мы берем только конструкцию правового зазеркалья, *quasi homo*, у которой нет осязаемого оригинала. Есть совокупность других субъектов, имущества, которые объединяются только после проецирования в право, но не до него.

Иные правовые конструкции, кроме субъектов и объектов, представляют собой процедуры — правила игры в правовой реальности. При этом осязаемые объекты также переживают проекцию, а неосязаемые фиктивны, но отражаемы; правовые же образы, в свою оче-

редь, пользуются правами и участвуют в обороте вне зависимости от наличия у них осязаемого оригинала.

Входя в правовой образ организации, ее директор (орган) становится частью конструкции юридического лица. В известном смысле он сам делается правовой фикцией как орган юридического лица⁴⁶. Однако в осязаемой реальности остается его человеческий прообраз, который отдельно существует (дублируется) и в реальности правовой в качестве правового образа физического лица, права и обязанности которого отягощены руководством в юридическом лице, в частности возможной ответственностью за причиненные ему убытки.

И при возникновении убытков юридическое лицо (или при косвенном иске его участник) обращается с иском к физическому лицу — правовому образу гражданина, который является его руководителем, а не к самому руководителю, так как он является частью образа юридического лица и в этом смысле не является отдельным субъектом права.

При таком понимании директор действительно является не представителем юридического лица, а его элементом — органом, придуманным правом для возможности участия в обороте субъекта, также рожденного (вымышленного) правом.

То есть, как писал Б.Б. Черепахин, разумеется, в известном смысле можно считать, что и орган представляет юридическое лицо, которое в его лице совершает правомерные юридические действия: сделки, процессуальные действия и т.д. Однако ни в коем случае нельзя сказать, что орган представляет от имени юридического лица⁴⁷.

Следует согласиться и с Е.В. Васьковским, и с Г.Ф. Шершеневичем в том, что в отсутствие органов юридическое лицо недееспособно, но с той лишь разницей, что оно вообще не способно к каким-либо действиям, в отличие от сравниваемых с ним малолетних или умалишенных, ввиду отсутствия физического (осязаемого) наполнения своего содержания.

⁴³ Белов В.А. Указ. соч. С. 132. Представляется, что софизм реалистических теорий юридического лица хорошо иллюстрирует фраза одного из их приверженцев. Так, итальянский ученый Джорджи заявлял, что *universitas* есть реальность, если понимать это слово не как синоним вещи, подлежащей внешним чувствам, а как противоположность чистому порождению фантазии. Цит. по: Суворов Н.С. Указ. соч. С. 177.

⁴⁴ Покровский И.А. Указ. соч. С. 147.

⁴⁵ Используемый для обозначения субъекта права — лица термин *persona* в буквальном переводе означает маску, личину, а также театральную роль. См.: Латинско-русский словарь юридических терминов и выражений для специалистов и переводчиков английского языка / сост. М. Гамзатов. СПб., 2002. С. 321.

⁴⁶ Фикцией орган юридического лица признают и сторонники реалистических теорий последнего. См., напр.: Тарасенко Ю.А. Указ. соч. С. 303.

⁴⁷ См.: Черепахин Б.Б. Указ. соч. С. 472.

Юридически значимые последствия невозможны без действий фактических, которые должен предпринять орган юридического лица и которые, в свою очередь, также проецируются в правовую реальность, создавая последствия в ней.

Кроме того, к органам юридического лица относится не только его единоличный исполнительный орган, но и, например в отношении хозяйственных обществ, общее собрание участников. Включать их всех в состав представителей абсурдно, они впитываются правовым образом юридического лица, но в осязаемой реальности могут осуществлять действия, которые после их проекции в право будут считаться действиями юридического лица, в частности формировать его волю, о чем речь пойдет ниже.

Такой подход позволяет ответить на самый каверзный вопрос сторонников теории «директор — представитель юридического лица»: почему, если он считается органом, а не представителем и не является самостоятельным субъектом, с него тем не менее можно взыскать убытки в пользу юридического лица? Потому что убытки взыскиваются с физического лица как правового образа гражданина, являющегося директором, поскольку он остается самостоятельным субъектом права. В составе же организации его отражение впитано образом лица юридического. Точно так же может быть объяснена возможность взыскания убытков с любых физических лиц, входящих в органы юридического лица, в пользу последнего.

К. Сальковский писал, что «в *universitas* каждый член как бы распадается на два лица, в противоположность товариществу, где *singuli* суть субъекты товарищеского имущества и всех относящихся к нему прав и обязанностей, не только в их качестве товарищей, но и как отдельные, сами по себе существующие лица»⁴⁸.

Эта точка зрения применительно к юридическому размножению человека как субъекта права была поддержана и Н.С. Суворовым⁴⁹.

Однако образ физического лица как имеющий единственный осязаемый оригинал не способен к размножению. На него лишь могут накладываться отпечатки его участия в правовой реальности в иных качествах (в известном

смысле — обременения прав и обязанностей), в частности включения в правовые образы других искусственно созданных субъектов. Поэтому говоря об органе юридического лица как движущей силе участия последнего в гражданском обороте, мы имеем в виду элемент (часть) юридического лица; заявляя же об ответственности органа юридического лица перед последним за причиненные ему убытки, мы переходим к противопоставлению двух субъектов права, как бы вспоминая о первичном правовом образе директора, т.е. физическом лице, который он как человек приобрел с момента своего рождения.

Иными словами, нет никаких оснований объяснять наличие обязательственных отношений между юридическим лицом и его органом, оперируя понятием представительства, стремясь их искусственно разнять, фигуровать, превратив одного субъекта в двух.

Дело в том, что таких отношений между ними быть не может, но они, несомненно, есть между юридическим лицом и физическим лицом, чей правовой образ отягощен обязанностями действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно (п. 3 ст. 53 ГК РФ), поскольку его осязаемый прототип исполняет обязанности органа юридического лица, являясь частью правового образа последнего.

Не меняет предложенное видение и передача полномочий единоличного исполнительного органа управляющей организации, но в этом случае с учетом принципа *mutatis mutandis* изменяется схема включения правовых образов субъектов, так как правовой образ управляющей организации включается в образ управляемого юридического лица, и как орган такая организация тоже не является представителем, не имея правосубъектности. Однако, сохраняя таковую как самостоятельное юридическое лицо, имеющее собственный образ, управляющая организация вправе, во-первых, автономно участвовать в гражданском обороте вне связи с управлением другим лицом, во-вторых, применительно к такой связи может ответить перед управляемым за причиненные ему убытки.

Примечательно, что сторонников теории фикции иногда укоряют фразой «старого римского Ульпиана»⁵⁰

⁴⁸ Цит. по: Суворов Н.С. Указ. соч. С. 89.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Как его с иронией называет И.А. Покровский, см.: Покровский И.А. Указ. соч. С. 157.

«*quid enim municipes dolo facere possunt?*»⁵¹, из смысла которой принято выводить отсутствие по римскому праву самостоятельной деликтоспособности юридических лиц за действия их представителей, оставляя ее за последними.

Конечно, эта мысль давно была признана архаичной, и ответственность юридического лица за действия представителей⁵² не вызывает сомнений своей обоснованностью, но не о возврате ли к ней мы фактически говорим сегодня в популярной доктрине снятия корпоративной вуали, основанной на игнорировании юридической личности подконтрольного субъекта⁵³? Не признаем ли мы отчасти справедливым древний подход, что за действия лица фиктивного ответственность должны нести лица реальные для того, что саму ответственность можно было также считать таковой? Как тут не воскликнуть, что все новое есть хорошо забытое старое?

Однако так ли важна строгость доктринальных формулировок о сущности юридического лица и правовой природе полномочий его органов для гражданского оборота, которому необходимы лишь понятное, непротиворечивое право и эффективное правосудие?

|| Правовой пуризм в конечном итоге вредит обороту, не способствует ему и наука, доведенная до степени схоластики.

⁵¹ Полностью фрагмент цитируется не всегда, но звучит он так: «*Sed an in municipes de dolo detur actio, dubitatur. Et puto ex suo quidem dolo non posse dari: quid enim municipes dolo facere possunt? Sed si quid ad eos pervenit ex dolo eorum, qui res eorum administrant, puto dandum. De dolo autem decurionum in ipsos decuriones dabitur de dolo actio*». D. IV, 3, Fr. 15 § 1. Перевод: «Но сомнительно, можно ли предъявить иск об умысле против граждан муниципия. И я думаю, что на основании их умысла нельзя предоставить иск: что могут сделать граждане муниципия в силу их умысла? Но если что-либо к ним поступило в силу умысла тех, кто управляет их делами, то я считаю, что следует предоставить иск. Вследствие же умысла декурионов дается иск об умысле к самим декурионам». См.: Дигесты Юстиниана Т. I / отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2008. С. 443.

⁵² К представителям юридического лица применительно к его деликтоспособности в широком смысле слова можно отнести не только собственно договорных представителей, но и участников, работников и лиц, входящих в органы юридического лица.

⁵³ См., напр.: Ломакин Д.В. Концепция снятия корпоративного покровы: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Вестник ВАС РФ. 2012. № 9; СПС «КонсультантПлюс».

Не случайно в комментариях Редакционной комиссии, готовившей проект Гражданского уложения Российской империи, к ст. 13 Уложения, содержащей общие положения о юридическом лице, говорится, что «изучив все вышеизложенные воззрения на конструкцию понятия юридического лица, комиссия сочла их не представляющими большого практического значения, указав, тем не менее, что всякое юридическое лицо рассматривается как живой и действующий организм»⁵⁴. Следует отметить, что ст. 23 того же проекта содержала норму о том, что лица, которым по уставу вверено управление имуществом юридического лица (установления), разделяются правами и обязанностями законных представителей установления⁵⁵.

Возможно, это было соломоново решение, заключающееся в уходе от поддержания какой-либо из сторон спора и прагматичном использовании совокупности наиболее удобных для оборота доктринальных выводов⁵⁶.

|| Разумеется, строго говоря, орган юридического лица не является его представителем, но это не значит, что к нему не могут быть применены нормы, борющиеся с недобросовестностью классических представителей.

Напротив, как отмечал Конституционный Суд РФ, конституционному принципу равенства противоречит любая дискриминация, т.е. такие устанавливаемые законом различия в правах и свободах, которые в сходных обстоятельствах ставят одну категорию лиц в менее благоприятные (или, наоборот, более благоприятные) условия по сравнению с другими категориями⁵⁷.

Например, ФАС Уральского округа, еще в 2007 г., применяя п. 1 ст. 179 ГК РФ, редакция которой тогда содержала положения о «злонамеренном соглашении

⁵⁴ Гражданское уложение. Кн. 1. Положения общие: проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения (с объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной комиссии) / под ред. И.М. Тютрюмова. М., 2007. С. 72.

⁵⁵ Там же. С. 84–85.

⁵⁶ Об аналогичном подходе свидетельствует и § 26 Гражданского уложения Германии. См.: Гражданское уложение Германии / науч. ред. А.Л. Маковский. М., 2004. С. 3.

⁵⁷ Определение КС РФ от 07.06.2001 № 141-О.

представителя одной стороны с другой стороной» и утяжеленный аналог которой сегодня вошел в п. 2 ст. 174 Кодекса, сказал, что неприменение п. 1 ст. 179 ГК РФ к сделкам, совершенным в результате злонамеренного соглашения руководителя юридического лица с другим лицом, лишает юридическое лицо предусмотренного законом средства защиты в виде признания сделки недействительной, ставит юридическое лицо в неравное положение с другими участниками гражданского оборота, что нарушает принцип равенства участников гражданских правоотношений (п. 1 ст. 1 ГК РФ)⁵⁸.

Вот здоровый прагматизм в применении права и отход от ортодоксальной догматики. Вместе с тем практика Президиума ВАС РФ не позволяет сделать вывод о логично непрерывном следовании подобному подходу, и хотя высшая судебная инстанция, вне всяких сомнений, защищала добросовестных участников оборота, доктринальной последовательности в этом не имелось.

Так, 27 января 1998 г. Президиум ВАС РФ в Постановлении № 7035/97 применил п. 3 ст. 182 ГК РФ о запрете одновременного представительства к ситуации, когда одно и то же физическое лицо являлось представителем по доверенности одной стороны договора и генеральным директором другой. Данная сделка была признана ничтожной, а позднее этот прецедент вошел в Обзор практики разрешения споров по сделкам, связанным с размещением и обращением акций, распространенный Информационным письмом Президиума ВАС РФ от 21.04.1998 № 33 (п. 13). Оценки природы полномочий директора в приведенных судебном акте и абстрактном обобщении судебном практики, к сожалению, нет.

В течение следующих четырех лет Президиум ВАС РФ признавал неверным применение к директору организации п. 1 ст. 183 ГК РФ, четко говоря о том, что органы юридического лица не могут рассматриваться как самостоятельные субъекты гражданских правоотношений и являются частью юридического лица⁵⁹.

В 2005–2006 гг. Президиум ВАС РФ признал неверным применение п. 3 ст. 182 ГК РФ к органу юридического лица, вновь и вновь указывая на то, что органы юридического лица не являются его представителями и нормы о представительстве к ним неприменимы⁶⁰.

Но 16 июня 2009 г. Президиум принял Постановление № 17580/08, в котором возвратился к позиции 1998 г., применив п. 3 ст. 182 ГК РФ к сделке, совершенной одним физическим лицом от разных сторон правоотношения в качестве представителя по доверенности и в качестве генерального директора. Упомянутый в Постановлении гражданин, действуя на основании доверенности, заключил договор поручительства от имени одного юридического лица с банком, а также в качестве генерального директора от имени другого юридического лица заключил кредитный договор (который и был обеспечен поручительством) с тем же банком, обладая еще 100%-ной долей участия в заемщике. Это было расценено как совершение сделки представителем в отношении себя лично, т.е. в целях своей выгоды. Однако мотивировки возможности применения норм о представительстве к единоличному исполнительному органу Постановление опять не содержит.

Безусловно, за подобные действия единоличных исполнительных органов должно воздаваться по заслугам, поскольку они очевидно выходят за пределы добросовестного осуществления гражданских прав и нарушают основные начала гражданского законодательства (ст. 1, 10 ГК РФ), только вот за кадром остается важнейшая часть правовых доводов, необходимая для правовой определенности положения субъектов хозяйственного оборота, имеющих право знать правила игры.

На сегодняшний день высшей судебной инстанцией уже выражено отношение к применению норм о представительстве, так как в п. 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 16.05.2014 № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью» говорится, что сделки, совершенные без необходимого согласия (одобрения) органа юридического лица, а также сделки, совершенные

⁵⁸ Постановление ФАС Уральского округа от 21.05.2007 № Ф09-4473/06-С6.

⁵⁹ См.: Постановления ВАС РФ от 09.02.1999 № 6164/98, от 30.05.2000 № 9507/99, от 08.10.2002 № 6113/02 и № 6112/02.

⁶⁰ См.: Постановления ВАС РФ от 01.11.2005 № 9467/05, от 21.09.2005 № 6773/05, от 06.12.2005 № 9341/05, от 11.04.2006 № 10327/05.

единоличным исполнительным органом или другим представителем юридического лица в отношении себя лично либо в отношении другого лица, представителем (единоличным исполнительным органом) которого он одновременно является, но не подпадающие под действие упомянутых норм о крупных сделках и (или) сделках с заинтересованностью, могут быть оспорены в соответствии с общими правилами, предусмотренными ст. 173.1 и п. 3 ст. 182 ГК РФ.

То есть высшая судебная инстанция фактически повела судебную практику по пути отождествления органов юридического лица и представителей, уходя от ортодоксальных взглядов на эту проблему и в известном смысле поборов властью доктрину⁶¹. Соотношение же п. 1 ст. 53 и п. 2 ст. 174 ГК РФ остается явной антиномией⁶², требующей законодательного устранения, при этом последняя из указанных норм также находится в прямом противоречии с вышеприведенным новейшим абстрактным толкованием Закона, данным высшей в экономической сфере отношений судебной инстанцией.

Однако вернемся к лжедиректорам. Как бы то ни было, применение к ним правил о представительстве позволяет распространить на них п. 3 ст. 182 ГК РФ о невозможности совершения сделок от имени юридического лица в отношении себя лично⁶³, а также ст. 183 Кодекса, не только содержащую в новой редакции правила о конвалидации сделок, но и предусматривающую возможность контрагента по сделке, заключенной неуполномоченным представителем, отказаться от нее и потребовать возмещения убытков. Первая из указан-

ных норм защищает представляемого (юридическое лицо), вторая — третье лицо, не желающее требовать бессмысленного исполнения сделки от неуполномоченного представителя (директора).

Но наиболее интересны исследованные выше применительно к прежней судебной практике ситуации, когда сделка совершена лжедиректором не в отношении себя лично (или аффилированного с ним лица), а с независимым третьим лицом, которое желает оставить эту сделку в правовой действительности, поскольку оно получило по ней желаемое имущество. При этом лжедиректор на момент заключения сделки значился в ЕГРЮЛ в качестве единоличного исполнительного органа отчуждателя, который после возврата к власти надлежащего исполнительного органа стремится вернуть утраченное имущество, считая его отчуждение незаконным. То есть это ситуации, когда публичная достоверность выступает против порока компетенции.

Положения абз. 2 п. 2 ст. 51 ГК РФ в числе прочего предполагают, что контрагент юридического лица, получив из ЕГРЮЛ как общедоступного источника сведения о единоличном исполнительном органе юридического лица (генеральном директоре, директоре), должен быть спокоен при подписании договора от имени этого лица именно этим директором. Дальнейшие возможные корпоративные конфликты, влекущие выводы о нелегитимности такого подписанта как незаконно избранного директора, не должны создавать негативных последствий для добросовестного контрагента юридического лица.

Не должны влиять на положение такого контрагента и пороки, которые были заранее заложены в основания возникновения полномочий директора недобросовестными участниками юридического лица, с тем чтобы, признав впоследствии корпоративный акт, являющийся основанием возникновения таких полномочий, недействительным, избавить юридическое лицо от исполнения принятого обязательства по причине его недействительности (особенно если оно представляет собой обеспечение исполнения обязательства другого юридического лица, аффилированного и заранее освобожденного от активов).

Bona fides контрагента, как видно из содержания нормы, является первым условием ее применения. Если он был осведомлен о нелегитимности директора дру-

⁶¹ Как видно из научных публикаций сотрудников аппарата ВАС РФ, они придерживаются точки зрения о том, что орган юридического лица является его представителем. См., напр.: *Егоров А.В.* Указ. соч. С. 220; *Зайцев О.Р.* Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: Избранные постановления за 2009 год с комментариями / под ред. А.А. Иванова. М., 2012. С. 15; *Кузнецов А.А.* Комментарий к Постановлению Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Вестник ВАС РФ. 2013. № 10; СПС «КонсультантПлюс».

⁶² Возможно, вызванной тем, что сами авторы реформы гражданского законодательства не имеют единого мнения по этому вопросу.

⁶³ Развитием которого, как справедливо замечает А.А. Кузнецов, являются сделки с заинтересованностью. См.: *Кузнецов А.А.* Оспаривание крупных сделок и сделок с заинтересованностью: общие замечания // Вестник ВАС РФ. 2014. № 2; СПС «КонсультантПлюс».

гой стороны на момент совершения сделки, то его недобросовестность юридически перевешивает публичную достоверность Реестра и последняя перестает его защищать. Однако с учетом вышеописанных новых положений Закона отличие от предыдущей практики должно заключаться не в признании такой сделки недействительной по ст. 168 ГК РФ по причине нарушения п. 1 ст. 53 и ст. 209 Кодекса, а в отсутствии обязанности юридического лица по исполнению сделки, так как по п. 1 ст. 183 ГК РФ она заключена от имени и в интересах лжедиректора. То есть имущество должно быть возвращено юридическому лицу, не совершавшему сделку с третьим лицом, как неосновательно полученное последним⁶⁴.

При добросовестности контрагента юридическое лицо не вправе ссылаться на пороки компетенции заключившего сделку директора и на отсутствующие в ЕГРЮЛ сведения об избрании в качестве директора другого лица, т.е. в интересах оборота оно поражается в правах принципом публичной достоверности, означаящим «что внесено, значит, существует», и зеркально вторящим ему принципу внесения, означаящим «что не внесено, значит, отсутствует».

В конце нормы абз. 2 п. 2 ст. 51 ГК РФ упомянуты два исключения, первое из которых о «неправомерных действиях третьих лиц» не имеет семантических сложностей, так как явно заключается в уже упоминаемых рейдерских захватах, когда внесение сведений в ЕГРЮЛ вообще не связано с волеизъявлением участников или органов юридического лица. В такой ситуации не вызывает сомнений необходимость возврата имущества юридическому лицу, как и при отсутствии добросовестности контрагента.

Второе же играет роль подводного рифа в фарватере правоприменения, поскольку его смысл судебной практике еще только предстоит сформировать. Речь идет об изъятии из принципа публичной достоверности, заключающемся во внесении записи в ЕГРЮЛ «иным путем помимо воли юридического лица», которое представляет собой ту самую обманчивую

⁶⁴ См.: Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными, распространенный Информационным письмом Президиума ВАС РФ от 25.02.2014 № 165. П. 10.

мелочь, подтверждающую, что дьявол кроется в деталях.

И тут мы подходим еще к одному вопросу, требующему доктринального, а пожалуй, даже философского отвлечения, так как воля вымышленного и существующего только в правовой реальности субъекта явно трансцендентна по отношению к реальности объективной.

Поскольку юридические лица осуществляют деятельность только посредством своих органов, в конечном итоге являющихся физическими лицами⁶⁵ и способных прежде всего к фактическим действиям, часть которых влечет юридические последствия, постольку воля юридического лица должна устанавливаться через волю его органов, состоящих из физических лиц.

Тот факт, что воля юридического лица немыслима без действий его «людского субстрата», равно как и то, что таким субстратом всякого юридического лица являются живые люди, не отрицается ни в одной теории юридического лица⁶⁶. Однако ввиду мнимости субъекта его воля образуется путем выражения, собирания и борьбы воли этих людей, т.е. представляет собой многоступенчатый процесс.

Н.С. Суворов, являясь приверженцем органической теории юридического лица, тем не менее замечал, что в составе органов такового следует отличать тех, кто образует волю и чья воля есть воля юридического лица, от органов в тесном и собственном смысле, которые лишь исполняют волю⁶⁷.

Позднее Б.Б. Черепяхин, говоря о немногочисленных видах корпоративных юридических лиц в советском гражданском праве, писал, что «при исследовании порядка и процесса волеобразования и волеизъявления юридического лица необходимо различать органы, во-

⁶⁵ Картина не меняется даже при передаче полномочий единоличного исполнительного органа другому юридическому лицу, т.е. такой же фикции, так как это лишь удлиняет цепь правового понимания воли управляемого юридического лица, идущую от последнего к реальному ее источнику — человеку (группе людей), являющемуся органом управляющего юридического лица.

⁶⁶ См.: Черепяхин Б.Б. Указ. соч. С. 296.

⁶⁷ См.: Суворов Н.С. Указ. соч. С. 163.

леобразующие и представляющие юридическое лицо во вне при совершении им правомерных юридических действий (правление и председатель, например), и органы, волеобразующие, но не представляющие юридическое лицо во вне (например, общее собрание кооперативной или иной общественной организации). В этом смысле можно говорить об органах представительных и непредставительных... В кооперативной организации волеобразующий коллектив охватывает всех или часть ее членов (общее собрание, правление, президиум и т.п.). Волеизъявляющий коллектив в части правомерных актов охватывает только исполнительный орган или часть его (правление, президиум, председатель)»⁶⁸.

Германский цивилист О. Карлова категорично утверждал, что орган не только лишь действует во имя лица: в пределах отведенной ему компетенции он заменяет юридическое лицо, существует вместо него, так что предпринятый им акт воли принадлежит юридическому лицу⁶⁹.

Наиболее ясно и логично на эту тему высказывался Д.И. Мейер: «Если орган юридического лица — одно физическое лицо, то выражение воли его сообразно существу юридического лица и будет считаться действием юридического лица. Но если орган состоит из нескольких физических лиц, то в каком случае выражение воли их можно считать выражением воли юридического лица, предполагая, разумеется, и в этом случае, что воля выражается сообразно существу юридического лица? Воля есть принадлежность, свойство отдельного человека, так что каждый человек имеет свою волю. Точно так же и из отдельных физических лиц, составляющих орган юридического лица, каждое имеет свою волю, которая может совпадать с волей других лиц или не совпадать. Поэтому и законодательству приходится принимать в соображение волю отдельных членов органа юридического лица и постановить, чтобы или единогласная воля членов считалась волей юридического лица, или воля большинства»⁷⁰.

В то же время, как указывал О. Карлова, «...органом юридического лица не может считаться отдельный член, подающий голос в собрании, воля которого вы-

ражает волю юридического лица. Обнаруживающаяся в подаче голоса воля члена есть всегда только его воля, содействующая установлению той воли, которая принимается за волю юридического лица; даже и частицей воли юридического лица она не считается, ибо ведь член меньшинства точно так же подает свой голос, как член большинства, а между тем противное большинству мнение меньшинства очевидно не есть составной элемент воли юридического лица. Воля юридического лица, устанавливаемая решением большинства, есть воля единства, отличного от суммы его членов»⁷¹.

Иными словами, воля юридического лица как искусственно созданного человеческим сознанием и существующего лишь в праве субъекта соответствует его природе, т.е. она фиктивна⁷², так как только право говорит нам, что то или иное решение органа юридического лица следует почитать за волю последнего. При этом сложность конструкции юридического лица неминуемо отражается на процессах волеобразования и волеизъявления.

Так, по утверждению С.С. Вилкина, процесс принятия решения (образования воли юридического лица) в коллегиальном органе в широком смысле слова включает в себя две стадии: 1) представление предложения, являющегося предварительной формулировкой правила поведения и образующего потенциальное содержание решения; 2) голосование по представленному предложению, которое является процессом, охватывающим подачи голосов (голоса) участвующих в принятии решения членов органа (процесс принятия решения (образования воли юридического лица) в узком смысле слова). Правда, указанный автор логично оговаривается о том, что правовая регламентация подготовительных к собственно принятию решения процессов, в том числе процесса представления предложения, осуществляется только в коллегиальном органе, поскольку в единоличном органе предшествующие принятию решения процессы во многом скрыты в психике физического лица, составляющего орган, и недоступны для правового регулирования⁷³.

⁷¹ Цит. по: Суворов Н.С. Указ. соч. С. 112.

⁷² Фикцию воли юридического лица признавали даже некоторые сторонники органической теории последнего, например А. Пернице. См. там же. С. 270.

⁷³ Вилкин С.С. О процессе принятия решения коллегиальным органом юридического лица // Вестник гражданского права. 2009. № 1; СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁸ Черепахин Б.Б. Указ. соч. С. 301, 304.

⁶⁹ Цит. по: Суворов Н.С. Указ. соч. С. 112.

⁷⁰ Мейер Д.И. Указ. соч. С. 128.

Продолжая эту мысль, С.Д. Могилевский говорит о том, что волеобразование и волеизъявление юридического лица всегда нуждаются в некоем законченном оформлении. В качестве окончательного оформления этой воли и выступает правовой акт юридического лица, т.е. фактически акт есть не что иное, как правовая форма реализации задач и функций юридического лица. Но поскольку задачи и функции юридического лица реализуются в деятельности органов, то, соответственно, акты юридического лица представляют собой акты органов юридического лица⁷⁴.

Еще более определенно высказывается Е.Г. Сирота, отмечая, что специфика решения общего собрания участников хозяйственного общества как акта индивидуального регулирования обусловлена прежде всего тем, что решение — это результат волеобразовательного процесса. Проявление (выражение) воли юридического лица, в отличие от лица физического, имеет два этапа: 1) определение воли (волеопределение) — выражение воли во внутриорганизационных отношениях (внутренняя сторона деятельности); 2) изъявление воли (волеизъявление) — выражение воли во внешних отношениях с третьими лицами (внешняя сторона деятельности). Поэтому весь процесс может быть представлен следующей формулой: волеобразование — волеопределение — волеизъявление⁷⁵.

Подобная ступенчатость образования и изъявления воли юридического лица не вызывает сомнений в своей правильности, но осложняется изменчивостью субъектов этих процессов. Как отмечал Е.А. Суханов, исполнительные (волеизъявляющие) органы одновременно всегда являются и волеобразующими. Их деятельность не ограничивается только строгим исполнением воли, сформированной иными органами юридического лица. Более того, в унитарных предприятиях, а также во многих видах учреждений единоличный руководитель (директор) одновременно является единственным волеобразующим и волеизъявляющим (исполнительным) органом⁷⁶.

⁷⁴ Могилевский С.Д. Общество с ограниченной ответственностью: законодательство и практика его применения. М., 2010. С. 242–243.

⁷⁵ Сирота Е.Г. Акты поднормативного регулирования корпоративных отношений в хозяйственных обществах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 21.

⁷⁶ Суханов Е.А. Указ. соч. С. 193.

Последнее замечание, несмотря на свою существенность, требует небольшого возражения, так как у исполнительного органа нет обязанности подчиняться решениям общего собрания участников юридического лица, что на сегодняшний день признается в литературе⁷⁷, а также подтверждается судебной практикой. В частности, Пленум ВАС РФ в Постановлении от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» (п. 7) разъяснил, что не является основанием для отказа в удовлетворении требования о взыскании с директора убытков сам по себе тот факт, что действие директора, повлекшее для юридического лица негативные последствия, в том числе совершенные сделки, было одобрено решением коллегиальных органов юридического лица, а равно его учредителей (участников) либо директор действовал во исполнение указаний таких лиц.

Именно отсутствие прямой подчиненности волеизъявляющего органа волеобразующему было положено в основу вывода о том, что решение последнего не является основанием для индальгенции первого. Однако эта возможная дискуссия непосредственно темы нашего исследования не касается.

В то же время действующее в сфере корпоративных отношений законодательство предусматривает различные вариации формирования и выражения воли юридического лица, которые отнюдь не укладываются в схему: «директор — волеизъявляющий орган, а общее собрание и совет директоров — волеобразующие органы».

Так, например, в соответствии с п. 2 ст. 19.1 Закона об АО договор о слиянии или о присоединении подписывается от имени общества, создаваемого путем реорганизации в форме разделения или выделения, лицом, определенным решением общего собрания акционеров общества, реорганизуемого в соответ-

⁷⁷ Ю.А. Тарасенко по этому поводу отмечает, что лежащая на исполнительном органе необходимость выполнять те решения, которые принимает высший исполнительный орган управления (общее собрание участников, совет директоров), не имеет формы юридической обязанности. Генеральный директор исполняет решения общего собрания акционеров и совета директоров не потому, что таковые могут от него этого исполнения требовать, а лишь потому, что подчинение данным решениям образует одну из границ его компетенции. См.: Тарасенко Ю.А. Указ. соч. С. 299–300.

ствии с указанной статьей в форме разделения или выделения. То есть волеизъявление в этой ситуации не является исключительной прерогативой директора (единоличного исполнительного органа) общества.

В соответствии с п. 3 ст. 42 Закона об ООО договор с управляющим подписывается от имени общества лицом, председательствовавшим на общем собрании участников общества, утвердившем условия договора с управляющим, или участником общества, уполномоченным решением общего собрания участников общества, либо, если решение этих вопросов отнесено к компетенции совета директоров (наблюдательного совета) общества, председателем совета директоров (наблюдательного совета) общества или лицом, уполномоченным решением совета директоров (наблюдательного совета) общества.

Следует подчеркнуть, что заключение договора с лицом, принимающим на себя обязанность по осуществлению функции единоличного исполнительного органа общества, вне зависимости от того, заключается ли он с физическим или юридическим лицом, всегда относится к акту внешнего волеизъявления общества, так как обращено к третьему лицу, которым считается контрагент по подобному договору по отношению к обществу до момента заключения договора. В этом отношении также показателен абз. 2 п. 1 ст. 40 указанного Закона, содержащий норму, аналогичную п. 3 ст. 42.

Более того, при отчуждении директором общества имущества по сделке, требующей одобрения коллегиального органа юридического лица, в отсутствие такого одобрения имущество считается вышедшим из обладания юридического лица по его воле, даже если такая сделка в последующем пала в суде по rescissory иску (п. 39 Постановления Пленума ВС РФ № 10 и Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010, Постановление Президиума ВАС РФ от 18.12.2007 № 10665/07). Как видно из комментария члена Президиума ВАС РФ к Постановлению от 18.12.2007 № 10665/07, при его принятии высший суд исходил из того, что единоличный исполнительный орган своими действиями выражает волю юридического лица в силу п. 1 ст. 53 ГК РФ, поскольку действия такого, связанные с участием в гражданском обороте и отношениями с третьими лицами, совершаются обществом посредством совершения соответствующих сделок его органами. Данное

общее положение направлено на стабильность гражданского оборота и создание гарантий правовой определенности для третьих лиц, вступающих в отношения с юридическим лицом⁷⁸.

Представляется, что применительно к совершению юридическими лицами крупных сделок и сделок с заинтересованностью речь надо вести не о формировании коллегиальным органом воли на совершение сделки, а об одобрении им такой сделки, которая совершается единоличным исполнительным органом (на сегодняшний день ГК РФ располагает нормой о согласии на совершение сделки, закрепленной в ст. 157.1).

При данном понимании процесс волеобразования имеет совместный характер, так как в нем участвуют оба органа, поэтому внутренние дефекты этого процесса в виде нарушения одним органом согласительной компетенции другого, во-первых, не свидетельствуют об отсутствии воли юридического лица, поскольку такая формируется в том числе единоличным исполнительным органом и им же выражается, во-вторых, иррелевантны для его контрагентов, ориентирующихся на публичную достоверность Реестра и презумпцию общей добросовестности при осуществлении гражданских прав. При оценке же проявления воли юридического лица в совершении им других порочных сделок, заключенных единоличным исполнительным органом и не отягощенных согласительными полномочиями органа коллегиального, надлежит исходить только из легитимности директора, который формирует и изъявляет такую волю.

В связи с этим примечательно высказывание С.С. Вилкина, который пишет: «Волеобразующий орган не тот, который, формируя волю юридического лица, не изъявляет ее вовне, но тот орган, изъявление воли которым по общему правилу не оказывает воздействия на отношения юридического лица с третьими лицами. И наоборот, волеизъявляющий орган не тот, который только выражает сформированную волю, не участвуя при этом в ее образовании, но тот орган, изъявление

⁷⁸ См.: Дедов Д.И. Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: Избранные постановления за 2007 год с комментариями / под ред. А.А. Иванова. М., 2012. С. 76.

воли которым оказывает воздействие на отношения юридического лица с третьими лицами»⁷⁹.

Но, как говорится, *exceptio quoque regulam declarat*, поэтому приведенные исключения не составляют содержания правила, но подтверждают его, так как заключается это правило в том, что в корпоративном юридическом лице волю формирует коллегиальный орган, а изъявляет единоличный⁸⁰. И если с волеизъявлением единоличного исполнительного органа, учитывая четкую видимость результатов психической деятельности человека по формированию воли в его действиях, все относительно понятно, то с формированием и выражением воли коллективного органа дело обстоит не так.

Процесс подготовки, созыва и проведения собрания участников корпоративного юридического лица подчинен строгим формализованным правилам, нарушения которых влекут возникновение пороков в итоговом акте волеизъявления общего собрания, оформляемом в виде его решения. В зависимости от их тяжести закон допускает три варианта отношения к подобному решению, сформулированные применительно к решениям общих собраний участников корпораций.

В первом случае, при несущественности таких дефектов, закон позволяет суду оставить в силе обжалуемое решение собрания, если оно не повлекло причинение убытков юридическому лицу или обжалующему его участнику либо возникновение иных неблагоприятных для них последствий, а также если голосование участника, заявившего иск о признании решения собрания недействительным, не могло повлиять на результаты голосования (п. 7 ст. 49 Закона об АО, п. 2 ст. 43 Закона об ООО, п. 3 ст. 30.1 Закона о СХК, п. 3 ст. 17.1 Закона о ПК, п. 4 ст. 181.4 ГК РФ⁸¹).

⁷⁹ Цит. по: Могилевский С.Д. Указ. соч. С. 248–249.

⁸⁰ В нашем исследовании мы не рассматриваем унитарные предприятия и учреждения, так как серьезных проблем в определении процессов и субъектов волеобразования и волеизъявления, с учетом приведенного замечания Е.А. Суханова, в них не имеется.

⁸¹ Примечательно, что в п. 4 ст. 181.4 ГК РФ законодатель избрал другую формулировку нормы, указав, что в таком случае решение собрания вообще не может быть признано судом недействительным (а не подлежит оставлению в силе по усмотрению суда), устранив также упоминание в норме о наличии допущенных при принятии решения несущественных нарушений. Тем самым Закон косвенно говорит о действительности решения собрания, проведенного с нару-

При этом, как было отмечено Президиумом ВАС РФ в п. 24 Постановления Пленума от 18.11.2003 № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона „Об акционерных обществах“», для отказа в иске о признании решения общего собрания недействительным по указанным основаниям необходима совокупность перечисленных обстоятельств.

Во втором случае, по причине существенных нарушений, допущенных при принятии решения собрания, закон признает наличие оснований для удовлетворения прямого иска участника юридического лица о признании такого решения недействительным. Особенность этого варианта в том, что перечень соответствующих оснований формируется отрицательным способом, т.е. строго он не определен и в него включается все, что не входит в первый и третий случаи. Хотя п. 1 ст. 181.4 ГК РФ и содержит с недавних пор примерный список подобных нарушений, но, во-первых, решение собрания является действительным при наличии обстоятельств, указанных в п. 4 данной статьи (т.е. обстоятельства, перечисленные в п. 1 ст. 181.4 ГК, странным образом трансформируются и перестают быть нарушениями), а во-вторых, в отсутствие совокупности указанных в первом случае конвализационных обстоятельств решение может быть признано недействительным по причине любых нарушений Закона, допущенных при его подготовке, созыве и проведении.

Наконец, третий, уже упоминавшийся в начале статьи случай заключается в существовании грубых нарушений, допущенных при принятии решения. В этой ситуации решение собрания юридически ничтожно, заведомо порочно вне зависимости от наличия прямого иска против него. Обстоятельства, составляющие перечень грубых дефектов, уничтожающих решение собрания, долгое время принято было группировать вокруг трех понятий: «компетенция», «кворум», «повестка».

Статья 181.5 ГК РФ добавила еще один повод для дискуссий, введя новый грубый порок, заключающийся в

шениями, не носящими существенный по обстоятельствам дела характер. Вряд ли такую законодательную технику следует признать правильной, так как она, по сути, формирует положительное (или, по крайней мере, индифферентное) отношение к нарушениям Закона, что недопустимо вне зависимости от их характера. В связи с этим прежние формулировки схожих вышеупомянутых норм следует признать более удачными.

противоречия решения собрания основам правопорядка или нравственности. Данное обстоятельство не поименовано ни в одном из специальных законов, регулирующих корпоративные основания недействительности решений собраний, но с учетом субсидиарного применения главы 9.1 ГК ко всем корпоративным отношениям подлежит применению и к ним и, соответственно, анализу.

К теме настоящего исследования о соотношении публичной достоверности и воли юридического лица относятся только собрания с грубыми пороками, так как остальные в известной мере санируются публичной достоверностью ЕГРЮЛ. Иными словами, при избрании директора на оспоримом собрании и включении его в Реестр последующее падение решения собрания в суде по общему правилу не порочит действия директора, совершенные до такого падения, так как его основания не могут быть связаны с отсутствием воли юридического лица. Дефекты же последней явно относятся к сфере грубых пороков.

Компетенция является ограничителем волеизъявления органа юридического лица, обусловленным фиктивным характером этого органа. Являясь творцом несуществующего субъекта волеизъявления, законодатель в том числе создал сферу отношений, в которой подобное волеизъявление вообще возможно, а право реагирует на действия такого субъекта, но за пределами отведенного для этого органа сектора волеизъявлений они иррелевантны, не различимы правом.

Воля юридического лица как *persona ficta* может быть замечена, индивидуализирована и проанализирована правом только в том случае, когда она выражена (1) тем органом, который наделен возможностью ее выражать, (2) по тем вопросам, которые отнесены к его сфере компетенции, и (3) тем способом, который установлен для фиксации волеизъявления.

Поэтому компетенцию следует рассматривать как единственно возможный перечень вопросов, решение которых органом юридического лица вообще допустимо, выход же органом юридического лица за пределы такой компетенции юридически невидим. Несомненно, принятие решения за сферой компетенции органа

юридического лица является решением, принятым помимо воли юридического лица⁸².

Кворум (от лат. *quorum praesentia sufficit* — которых присутствие достаточно) имеет отношение к юридической сущности изъявителя воли. Устанавливая требования к кворуму коллегиального органа юридического лица, законодатель фактически создает условия, при которых орган вообще будет считаться таковым. В противном случае, в отсутствие кворума, орган юридического лица не узнается правом, так как то количество лиц, которое хочет выдать себя за орган юридического лица, его не образует. Как в ситуации с выходом за пределы компетенции право не видит проявления воли, так и в ситуации с отсутствием кворума оно не видит субъекта⁸³ такого проявления. Соответственно, в отсутствие кворума нет органа юридического лица, но если собранием лиц, пытающимся притвориться таким органом, принято какое-то решение, то оно также в силу абз. 2 п. 2 ст. 51 ГК РФ является принятым помимо воли юридического лица (хотя правильнее будет сказать, что подобное решение вообще не есть решение этого юридического лица)⁸⁴.

Кворум является исходным условием для возможности квалификации некоего собрания как коллективного органа юридического лица еще до начала процесса голосования. Как ни странно, законодатель далеко не всегда относит отсутствие кворума к грубым нарушениям, влекущим ничтожность решения собрания. Так, кворум не упомянут в п. 7 ст. 30.1 Закона о СХК, п. 7 ст. 17.1 Закона о ПК, притом что он

⁸² Надо иметь в виду, что нарушение компетенции как грубый порок решения собрания из указанных норм включено только в п. 10 ст. 49 Закона об АО и ст. 181.5 ГК РФ. В п. 6 ст. 43 Закона об ООО, п. 7 ст. 30.1 Закона о СХК, п. 7 ст. 17.1 Закона о ПК такое нарушение отсутствует, что объясняется характером обществ с ограниченной ответственностью и кооперативов как в большей степени объединений лиц, а не капиталов и поэтому более мягким регулированием специальными законами относительно компетенции их органов. См., напр.: Постановление Президиума ВАС РФ от 05.06.2012 № 17697/11.

⁸³ Разумеется, «субъект» здесь понимается не как самостоятельный правоспособный участник гражданского оборота, а как некто, имеющий возможность изъявить правовому миру свою волю.

⁸⁴ В науке высказывалось логичное предложение о том, чтобы считать такое решение несовершеннолетним, а не недействительным, как некий «правовой нуль», безразличный для права. См.: *Сирота Е.Г.* Указ. соч. С. 21–22.

указывается в ст. 24 и 15 этих законов, устанавливающих порядок принятия решений общим собранием членов кооператива. Совсем нет упоминания о нем в Законе об ООО. Но если в последнем случае это объясняется характером регулирования порядка принятия решений общим собранием участников общества с ограниченной ответственностью, которые принимаются ими установленным законом большинством от общего (списочного) числа участников, в связи с чем отсутствует необходимость в положениях о кворуме, то логику законов о кооперации, забывших упомянуть кворум в нормах, устанавливающих основания ничтожности решений собрания членов корпорации, понять невозможно и эта забывчивость представляется явной оплошностью законодателя.

Итак, отсутствие кворума равносильно отсутствию коллегиального органа как субъекта изъявления воли юридического лица, поэтому решение, принятое с нарушением положений о кворуме, не может отображать волю юридического лица вне зависимости от упоминания этого нарушения в нормах специальных законов.

При этом сказанное должно относиться не только к собраниям участников, но и к любым коллегиальным органам юридического лица, касательно которых правом установлены требования к минимальному кворуму⁸⁵.

Несколько иначе дело обстоит с необходимым для принятия решения большинством голосов, поскольку в такой ситуации волеизъявляющий орган имеется и действует в рамках сферы своей компетенции. Но веление этого органа будет отождествлено правом с волей юридического лица только тогда, когда будут соблюдены установленные правила о требующемся большинстве, мнение которого может настолько подавить мнение меньшинства, что воля последнего приносится в жертву практическому правопорядку, предпочитающему плюрализму в корпоративных отно-

шениях принцип большинства (*англ. majority principle; нем. Mehrheitsprinzip*)⁸⁶.

Голосование членов коллективного органа юридического лица, не достигшее необходимого минимума, также не может быть расценено как воля юридического лица, поскольку таковая объективируется в правовой реальности только при достижении определенной критической массы голосов членов коллегиального органа, когда совокупность их сингулярных волей трансформируется в волю юридического лица, которая будет увидена и воспринята правом только после момента этой трансформации, но никак не ранее. Для характеристики такой метаморфозы наиболее подходит диалектический закон перехода количественных изменений в качественные о скачкообразном возникновении нового качества вследствие накопления количественных изменений, которое в рассматриваемой ситуации происходит с моментом получения первого голоса, переводящего количество голосов «за» в отношении определенного варианта решения через границу минимально необходимого для принятия решения большинства.

Наиболее удачными касательно сказанного являются положения п. 10 ст. 49 Закона об АО, предусматривающие в качестве оснований для вывода о ничтожности решения нарушение положений как о кворуме, так и о необходимом большинстве, остальные же аналогичные нормы специальных законов содержат только положения о необходимом большинстве. Статья 181.5 ГК РФ, напротив, не говорит о нарушении необходимого большинства, хотя содержит положение о нарушении кворума.

Представляется, что вариация содержания этих норм не играет принципиальной роли в оценке решения

⁸⁵ Аналогичный вывод высказывался А.А. Маковской при оценке положений п. 26 Постановления Пленума ВАС РФ от 18.11.2003 № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона „Об акционерных обществах“»: *Маковская А.А.* Правовые последствия недействительности решений общего собрания акционеров и совета директоров акционерного общества. М., 2006; СПС «КонсультантПлюс».

⁸⁶ Следует отметить, что иногда решение может быть принято большинством от количества явившихся на собрание членов органа юридического лица, которое лишь незначительно превышает половину от общего числа членов этого органа, создавая необходимый кворум. В такой ситуации возникает известный парадокс, опять же подтверждающий фикцию конструкции юридического лица в целом и его органов в частности, поскольку решение будет принято меньшинством от общего числа членов органа юридического лица, но тем не менее воспримется правом как решение самого юридического лица, соответствующее его воле. Особенно это показательно при проведении повторного собрания, для легитимности которого кворум может быть 30% от общего количества участников и даже ниже (п. 3 ст. 58 Закона об АО).

коллегиального органа юридического лица, принятого с нарушением положений закона о необходимом для принятия такого решения большинстве, как принятого помимо воли юридического лица.

Принятие решения по вопросам, не включенным в повестку дня (за исключением случаев, когда в собрании участвовали все члены органа юридического лица), также входит в списки грубых нарушений, содержащихся в вышеозначенных нормах, на сей раз при полном их единодушии. Применительно к данному нарушению следует вспомнить предложенное С.С. Вилкиным деление процесса волеобразования коллегиального органа юридического лица на стадии представления предложения и собственно голосования по нему.

Извещение членов органа юридического лица о предлагаемой повестке дня есть предложение, являющееся предварительной формулировкой правила поведения и образующее потенциальное содержание решения. Имея эту информацию и разумно ожидая, что решения на собрании будут приниматься именно по обозначенным в повестке вопросам, члены такого органа могут избрать допустимый законом вариант поведения, который в том числе может заключаться в игнорировании собрания и оставлении возможного решения на усмотрение явившихся. Однако изменение повестки дня в ходе собрания ставит в неравное положение явившихся и не пришедших членов органа юридического лица как субъектов изъяснения воли, которая может суммироваться и перерождаться в волю юридического лица. Те из них, кто явился на собрание, что, возможно, стало достаточным для кворума, могут воспользоваться отсутствием других и принять решение относительным (от числа пришедших), а не абсолютным (от общего числа членов органа) большинством голосов. Такое решение будет иметь порок воли юридического лица, так как не отражает совокупную волю всех, чье частное волеизъявление могло повлиять на формирование фикции воли юридического лица, и последняя не может считаться выработанной. Право также должно быть индифферентно к подобным волеизъявлениям, так как они не являются волей юридического лица, а представляют совокупность одиночных волей членов его органа, исходя из установленных правил не достойную качественного перерождения в волю фиктивного субъекта.

Исключение составляет ситуация, когда на таком собрании присутствовали все члены коллективного органа юридического лица, что saniрует большую часть нарушений, допущенных при подготовке, созыве и проведении собрания. Явившиеся образуют безусловную достаточную совокупность сингулярных волей для образования воли юридического лица и по общему правилу могут принять любое решение вообще без какой-либо предварительной подготовки.

Однако в том случае, если кто-либо из пришедших на собрание не имел возможности заранее надлежащим образом подготовиться к голосованию по внезапно включенным в повестку дня вопросам, особенно если принимать во внимание, что такое изменение могло быть заранее подготовленным экспромтом одной группы участников против другой, образовавшей необходимый кворум, то пороки в голосовании как волеизъявлении не исключены. Но надо полагать, что у второй группы участников, неожиданно узнавшей об изменении повестки, скажем, при включении в нее вопроса об избрании единоличного исполнительного органа с безальтернативной кандидатурой (предложенной первой группой участников), всегда остается возможность проголосовать против и подготовиться к следующему собранию, где бы этот вопрос был поставлен заблаговременно с предложением нескольких кандидатур, ведь частота проведения собраний участников зависит исключительно от их воли. В связи с этим следует заключить, что решение, принятое органом юридического лица по вопросам, заранее не включенным в повестку дня, в случае участия в голосовании всех членов органа по общему правилу формирует волю юридического лица⁸⁷.

Последнее из грубых нарушений представляет собой законодательную новеллу, включенную только в ГК РФ, и заключается в противоречии решения собрания основам правопорядка или нравственности (по аналогии с установленным ст. 169 Кодекса самым тяжким составом недействительности сделок и единственным безусловно ничтожным). Представляется, что здесь речь идет исключительно о содержании волеизъявления, а не о порядке его формирования или выражения, поэтому такое решение будет считаться принятым по

⁸⁷ На эту тему см. также: Степанов Д. Ничтожность решений общих собраний акционеров // Корпоративный юрист. 2005. № 1; СПС «КонсультантПлюс».

воле юридического лица, хотя и несомненно являются порочным до степени ничтожности.

Таким образом, мы приходим к тому, что решение органа юридического лица, принятое (1) в отсутствие необходимого кворума, (2) без необходимого для принятия решения большинства голосов, (3) по вопросам, не отнесенным к компетенции органа, а также (4) по вопросам, не включенным в повестку дня (за исключением участия в голосовании всех членов органа юридического лица), не может считаться принятым по воле юридического лица вне зависимости от отнесения позитивным правом таких нарушений к числу грубых, делающих решение ничтожным. К сожалению, унификация соответствующих законоположений остается вопросом *de lege ferenda*.

В ситуациях, когда единоличный исполнительный орган (директор) избран решением коллегиального органа юридического лица, имеющим хотя бы один из вышеприведенных изъянов, компетенция директора не возникает, и последующее внесение его в ЕГРЮЛ через принцип публичной достоверности не может санировать неизлечимые пороки решения коллегиального органа, являющегося каузой для полномочий единоличного исполнительного органа. Только воля органа юридического лица, принимаемая правом за волю самого юридического лица, способна породить полномочия другого органа этого юридического лица. Одна фикция может создать другую лишь в ситуации, когда право видит волю первой, признает состоявшимся ее волеобразование и реагирует на волеизъявление.

В противном случае директор, избранный с таким порочком и в силу определенных обстоятельств включенный в ЕГРЮЛ в качестве органа юридического лица, является юридической ложью, ошибкой правовой реальности, нарушающей строгую взаимосвязь фиктивных построений, являющуюся фундаментальным элементом всей системы права. Его действия как исполнительного органа юридического лица должны быть не различимы правом, поскольку он не стал частью правового образа юридического лица и не может действовать в нем по причине своего отсутствия. Все, что он совершает от имени юридического лица, он делает, оставшись лицом физическим, т.е. будучи в своем правовом образе. Иными словами, по совершенным сделкам лжедирек-

тор обязывается сам, действуя для права от собственного имени. В такой ситуации, принимая во внимание актуальную редакцию ГК РФ, ретроспективное перенесение последствий этих действий на юридическое лицо возможно только при их конвалидации по п. 2 ст. 183 Кодекса, исходящей от надлежащего органа юридического лица, чье волеизъявление воспринимается правом как волеизъявление самого юридического лица. В отсутствие такого волеизъявления сделки лжедиректора, чья компетенция основана на решении коллективного органа, имеющем хотя бы один из четырех вышеуказанных грубых пороков, не порождают никаких последствий для юридического лица, и оно не может быть обязано по ним против его воли.

Поэтому при избрании подобным решением собрания директора юридического лица и включении его в ЕГРЮЛ публичная достоверность не может защитить контрагента этого юридического лица, так как проигрывает правовой поединок пороку компетенции.

Подводя итог нашему исследованию, скажем, что мы лишь провели небольшой анализ и предложили собственное видение применения положений абз. 2 п. 2 ст. 51 ГК РФ, косвенно затрагивающих глубинные доктринальные проблемы гражданского права. Практике применения этой нормы еще только предстоит сложиться, и хочется надеяться, что она найдет ту самую золотую середину между защитой обманутых участников юридического лица и добросовестных его контрагентов, которая нужна хозяйственному обороту для его стабильной и продуктивной жизни.

Zaboev Konstantin Igorevich

Judge, Chairman of the Fourth Judicial Assembly of the Arbitrazh Court of Sverdlovsk Region, PhD in Law (4 Shar-tashskaya str., 620075 Ekaterinburg; e-mail: A60.KZaboev@arbitr.ru).

PUBLIC AUTHENTICITY OF THE UNIFIED STATE REGISTER OF LEGAL ENTITIES AND THE WILL OF A LEGAL ENTITY

Public authenticity of the Unified State Register of Legal Entities has gained a substantially new meaning in the

course of the reform of legislation on legal entities and thus led to a shift of discussion on the legal nature of relations between the director and the legal entity. Author explores the applicability of criteria framed in the practice of resolving claims considering invalidity of transactions conducted by quasi-director in the view of a new legislation field. He also admits four rude faults of development of a legal entity's will at appointment of a sole executive body. Author is of the opinion that proving of each of the faults should lead to a refusal of recognition of legal entity's consequences of transactions made by such executive.

Keywords: Unified State Register of Legal Entities, public authenticity, will of a legal entity, representation, quasi-director

References

- Andreev V.K. "Decisions of Meetings" [*Resheniya sobraniy*] (in Russian). The Civilian [*Tsivilist*]. 2013. No. 3. P. 63–72.
- Arkhipov B.P. "Legal Nature of Set of Facts Mediating a Joint Stock Company's Corporate Restructuring" [*Yuridicheskaya priroda fakticheskogo sostava, oposreduyushchego reorganizatsiyu aktsionernogo obshchestva*] (in Russian). Legislation [*Zakonodatel'stvo*]. 2002. No. 3. P. 46–55.
- Asknazyi S.I. "On the Grounds of Legal Relationships between the State-Owned Socialist Organisations" [*Ob osnovaniyakh pravovykh otnosheniy mezhdru gosudarstvennymi sotsialisticheskimi organizatsiyami*] (in Russian). Annales of Leningrad Law Institute [*Uchenye zapiski Leningradskogo yuridicheskogo instituta*]. 1947. Iss. IV. Leningrad, 1947. P. 5–47.
- Baron J. Roman Civil Law System: in 6 Volumes [*Sistema rimskogo grazhdanskogo prava: v 6 kn.*] (in Russian). Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press, 2005. 1100 p.
- Belov V.A. Civil Law. Vol. II. General Part. Entities, Goods, Facts: a Coursebook [*Grazhdanskoe pravo. T. II. Obshchaya chast'. litsa, blaga, fakty: ucheb.*] (in Russian). Moscow, Yurayt, 2012. 1093 p.
- Bratus' S.N. Legal Entities in the Soviet Civil Law [*Yuridicheskie litsa v sovetskom grazhdanskom prave*] (in Russian). Moscow, Yuridicheskoye izdatel'stvo Minyusta, 1947. 364 p.
- Bratus' S.N. Persons at Civil Law [*Sub"ekty grazhdanskogo prava*] (in Russian). Moscow, Goryurizdat, 1950. 367 p.
- Cherepakhin B.B. Works on Civil Law [*Trudy po grazhdanskomu pravu*] (in Russian). Moscow, Statut, 2001. 479 p.
- Dobrovolskiy V.I. "Legal Status of Resolution of the General Meeting of Shareholders" [*Pravovoy status resheniya sobraniya aktsionerov*] (in Russian). The Modern Law [*Sovremennoe pravo*]. 2009. No. 3, available at ConsultantPlus Legal Reference System.
- Duvernoy N.L. Readings on Civil Law. Vol. I: Introduction, Theory of Entity [*Chteniya po grazhdanskomu pravu. T. 1: Vvedenie, Uchenie o litse*] (in Russian). Moscow, Zertsalo, 2004. 568 p.
- Gamzatov M. Latin-Russian Dictionary of Law Terms and Expressions for Legal Specialists and English Language Translators [*Latinsko-russkiy slovar' yuridicheskikh terminov i vyrazheniy dlya spetsialistov i perevodchikov angliyskogo yazyka*] (in Russian). Saint Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2002. 508 p.
- Genizhev A.Ya. "Legal Nature and Types of Decisions Made by General Meetings of Business Entities" [*Pravovaya priroda i vidy resheniya obshchego sobraniya khozyaystvennogo obshchestva*] (in Russian). Journal of Russian Law [*Zhurnal rossiyskogo prava*]. 2012. No. 8. P. 112–120.
- Genkin D.M. "Legal Entities in the Soviet Civil Law" [*Yuridicheskie litsa v sovetskom grazhdanskom prave*] (in Russian). Problems of the Socialistic Law [*Problemy sotsialisticheskogo prava*]. 1939. No. 1.
- Genkin D.M. "The Importance of Application of a Corporate Personality in the Internal and External Turnover of Goods in the USSR" [*Znachenie primeneniya yuridicheskoy lichnosti vo vnutrennem i vneshnem tovarooborote SSSR*] (in Russian). Collection of Scientific Articles of the Institute of National Economy [*Sbornik nauchnykh trudov Instituta narodnogo khozyaystva*]. Iss. IX. M., 1955.
- Gribanov V.P. Legal Entities [*Yuridicheskie litsa*] (in Russian). Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1961. 115 p.

Ioffe O.S. Selected Works: In Four Volumes. Vol. II. Soviet Civil Law [*Izbrannye trudy: v 4 t. T. II. Sovetskoe grazhdanskoe pravo*] (in Russian). Saint Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press, 2004. 511 p.

Ivanishin P.Z. “Resolution of the General Meeting as Ground for Accrual of Civil Rights and Obligations” [*Reshenie sobraniya kak osnovanie vozniknoveniya grazhdanskikh prav i obyazannostey*] (in Russian). Civil Law [*Grazhdanskoe pravo*]. 2011. No. 2. P. 8–12.

Ivanov A.A. (ed.). Legal Positions of the Presidium of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation: Selected Decisions for 2007 with Commentaries” [*Pravovye pozitsii Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii: Izbrannye postanovleniya za 2007 god s kommentariyam]*] (in Russian). Moscow, Statut, 2012. 524 p.

Ivanov A.A. (ed.). “Legal Positions of the Presidium of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation: Selected Decisions for 2009 with Commentaries” [*Pravovye pozitsii Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii: Izbrannye postanovleniya za 2009 god s kommentariyam]*] (in Russian). Moscow, Statut, 2012. 510 p.

Kofanov L.L. (ed.). Digesta of Justinian. Vol. I [*Digesty Yustiniana T.*] (in Russian). Moscow, Statut, 2008. 584 p.

Kozlova N.V. Legal Capacity of a Legal Entity [*Pravosub’ektnost’ yuridicheskogo litsa*] (in Russian). Moscow, Statut, 2005. 220 p.

Krashennnikov E.A. and Baygusheva Yu.V. “Unilateral and Multilateral Transactions” [*Odnostoronnie i mnogostoronnie sdelki*] (in Russian). Herald of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation [*Vestnik VAS RF*]. 2012. No. 7. P. 30–50.

Kulagin M.I. Selected Works [*Izbrannye trudy*] (in Russian). Moscow, Statut, 1997. 330 p.

Kutateladze O., Zubar’ V. (eds.) and Savigny F.K. “System of the Modern Roman Civil Law: in 8 Volumes. Vol. II” [*Sistema sovremennogo rimskogo prava: v 8 t. T. II*] (in Russian). Moscow, Statut, 2012. 573 p.

Kuznetsov A.A. “Commentary on the Plenary Decision of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation of

30.07.2013 No. 62 ‘On Certain Issues of Indemnification by the Persons Being a Part of Organs of a Legal Entity”” [*Kommentariy k Postanovleniyu Plenuma VAS RF ot 30.07.2013 № 62 “O nekotorykh voprosakh vozmeshcheniya ubytkov litsami, vkhodyashchimi v sostav organov yuridicheskogo litsa”*] (in Russian). Herald of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation [*Vestnik VAS RF*]. 2013. No. 10, available at ConsultantPlus Legal Reference System.

Kuznetsov A.A. “Challenging the Major Transactions and Related Party Transactions: General Observations” [*Osparivanie krupnykh sdelok i sdelok s zainteresovannost’yu: obshchie zamechaniya*] (in Russian). Herald of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation [*Vestnik VAS RF*]. 2014. No. 2, available at ConsultantPlus Legal Reference System.

Lomakin D.V. Studies on the Theory of Corporate Law and Practices of Application of the Corporate Law [*Ocherki teorii aktsionernogo prava i praktiki primeneniya aktsionernogo zakonodatel’sтва*] (in Russian). Moscow, Statut, 2005. 221 p.

Lomakin D.V. “Concept of Piercing the Corporate Veil: Realisation of its Main Regulations in the Existing Legislation and in the Project of Changes to the Russian Civil Code” [*Kontseptsiya snyatiya korporativnogo pokrova: realizatsiya ee osnovnykh polozheniy v deystvuyushchem zakonodatel’stve i proekte izmeneniy Grazhdanskogo kodeksa RF*] (in Russian). Herald of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation [*Vestnik VAS RF*]. 2012. No. 9, available at ConsultantPlus Legal Reference System.

Makovskaya A.A. Legal Consequences of Invalidity of the Resolutions of the General Meeting of Shareholders or Supervisory Board of a Joint Stock Company [*Pravovye posledstviya nedeystvitel’nosti resheniy obshchego sobraniya aktsionerov i soveta direktorov aktsionernogo obshchestva*] (in Russian). Moscow, 2006, available at ConsultantPlus Legal Reference System.

Makovskiy A.L. (ed.). German Civil Code [*Grazhdanskoe ulozhenie Germanii*] (in Russian). Moscow, 2004. 816 p.

Mel’nikova T.V. “On the Issue of Legal Nature of Acts of the Organs of a Legal Entity” [*K voprosu o pravovoy prirode aktov organov yuridicheskogo litsa*] (in Russian).

Arbitrazh and Civil Procedure [*Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*]. 2008. No. 6. P. 46–48.

Meyer D.I. Russian Civil Law: in Two Parts. Part I [*Russkoe grazhdanskoe pravo: v 2 ch. Ch. I.*] (in Russian). Moscow, Statut, 1997. 831 p.

Mogilevskiy S.D. Limited Liability Company: Legislation and Legal Precedents [*Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu: zakonodatel'stvo i praktika ego primeneniya*] (in Russian). Moscow, Statut, 2010. 421 p.

Mozolin V.P. and Maslyaev A.I. (eds.). Civil Law. Part One: a Coursebook [*Grazhdanskoe pravo. Chast' pervaya: ucheb.*] (in Russian). Moscow, Yurist, 2008. 719 p.

Pokrovskiy I.A. Main Problems of the Civil Law [*Osnovnye problemy grazhdanskogo prava*] (in Russian). Moscow, Statut, 1998. 353 p.

Rodionova O.M. “On the Legal Nature of the Resolutions of the General Meetings of Shareholders and their Invalidity in the German and Russian Civil Law” [*O pravovoy prirode resheniy sobraniy i ikh nedeystvitel'nosti v german-skoy i rossiyskoy grazhdanskoy prave*] (in Russian). Civil Law Review [*Vestnik grazhdanskogo prava*]. 2012. No. 5. P. 66–93.

Ryasentsev V.A. Agency and Transaction in the Contemporary Civil Law [*Predstavitel'stvo i sdelki v sovremennom grazhdanskoy prave*] (in Russian). Moscow, Statut, 2006. 603 p.

Sadikov O.N. (ed.). Soviet Civil Law: a Coursebook [*Sovetskoye grazhdanskoye pravo: ucheb.*] (in Russian). Moscow, 1983. 464 p.

Sadikov O.N. (ed.), Braginskiy M.I., Zalesskiy V.V., Klein N.I., Levshina T.L., Litovkin V.N., Masevich M.G., Pavlodskiy E.A., Rakhmilovich V.A., Sadikov O.N., Soyfer T.V., Chubarov V.V., Shelyutto M.L., Shilokhvost O.Yu. and Yaroshenko K.B. The Russian Civil Law. General Part: Series of Lectures [*Grazhdanskoye pravo Rossii. Obshchaya chast': kurs lektsiy*] (in Russian). Moscow, Yurist, 2001. 283 p.

Sergeev A.P. and Tolstoy Yu.K. (eds.). Civil Law: a Coursebook. Part I [*Grazhdanskoye pravo: ucheb. Ch. I*] (in Russian). Moscow, TK Velbi, Prospect, 2005. 776 p.

Sergeev A.P. and Tolstoy Yu.K. (eds.). Civil Law: a Coursebook in Three Volumes. Vol. I [*Grazhdanskoye pravo: ucheb. v 3 t. T. 1*] (in Russian). Moscow, 2011. 780 p.

Shershenevich G.F. Coursebook on the Russian Civil Law (following the edition of 1907)” [*Uchebnyy russkoye grazhdanskoye pravo (po izdaniyu 1907 g.)*] (in Russian). Moscow, SPARK, 1995. 556 p.

Sinayskiy V.I. Russian Civil Law [*Russkoye grazhdanskoye pravo*] (in Russian). Moscow, Statut, 2002. 638 p.

Sirota E.G. Acts of Subnormative Regulation of Corporate Relations in Business Entities: a Summary of a PhD Thesis in Law [*Akty podnormativnogo regulirovaniya korporativnykh otnosheniy v khozyaystvennykh obshchestvakh: avtoreferat dis. na soiskanie uchenoy stepeni kand. yurid. nauk*] (in Russian). Ekaterinburg, 2004.

Stepanov D. “Nullity of the Resolutions of the General Meetings of Shareholders” [*Nichtozhnost' resheniy obshchikh sobraniy aktsionerov*] (in Russian). A Corporate Lawyer [*Korporativnyy yurist*]. 2005. No. 1, available at ConsultantPlus Legal Reference System.

Stepanov S.A. (ed.). Civil Law: a Coursebook in 3 Volumes. Vol. I [*Grazhdanskoye pravo: ucheb. v 3 t. T. 1*] (in Russian). Moscow, Prospekt, 2010. 640 p.

Sukhanov E.A. (ed.). Civil Law: a Coursebook in Two Volumes. Vol. I [*Grazhdanskoye pravo: ucheb. v 2 t. T. I*] (in Russian). Moscow, Wolters Kluwer, 1998. 720 p.

Suvorov N.S. On Legal Entities in the Terms of Roman Civil Law [*Ob yuridicheskikh litsakh po rimskomu pravu*] (in Russian). Moscow, Kniga po trebovaniyu, 2011. 371 p.

Tarasenko Yu.A. “Legal Personality of a Corporation in the Terms of a Problem of the Legal Nature of Certain Corporate Acts” [*Yuridicheskaya lichnost' korporatsiy v svyazi s problemoy yuridicheskoy prirody nekotorykh korporativnykh aktov*] (in Russian), in: Belov V.A. (ed.). Corporate Law: Topical issues of Theory and Practice [*Korporativnoye pravo: Aktual'nye problemy teorii i praktiki*]. Moscow, Yurayt, 2009. P. 264–305.

Terent'eva N.S. “On the Issue of the Legal Nature of the Resolutions of the General Meetings of Shareholders in a Limited Liability Company in the Terms of the Civil Law Re-

form” [K voprosu o pravovoy prirode resheniya obshchego sobraniya uchastnikov obshchestva s ogranichennoy otvetstvennost’yu v svete reformirovaniya grazhdanskogo zakonodatel’sstva] (in Russian). Jurist [Yurist]. 2013. No. 9. P. 26–29.

Tolstoy Yu.K. “About the State-Owned Legal Entities in the USSR” [O gosudarstvennykh yuridicheskikh litsakh v SSSR] (in Russian). Herald of Leningrad University [Vestnik Leningradskogo universiteta]. 1955. No. 3.

Tomsinov V.A. (ed.) and Gambarov Yu.S. Civil Law. General Part [Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast’] (in Russian). Moscow, Zertsalo, 2003a. 816 p.

Tomsinov V.A. (ed.) and Grimm D.D. Lectures on Dogma of the Roman Law [Lektsii po dogme rimskogo prava] (in Russian). Moscow, Zertsalo, 2003b. 496 p.

Tschilardzh K.F. Coursebook on the Roman Civil Law Institutions. Part I. [Uchebnik institutsiy rimskogo prava. Ch. 1] (in Russian). Moscow, Kniga po trebovaniyu, 2014.

Tsybulenko Z.I. (ed.). Russian Civil Law. Part One: a Coursebook [Grazhdanskoe pravo Rossii. Chast’ pervaya: ucheb.] (in Russian). Moscow, Yurist, 2000. 821 p.

Tyutryumov I.M. (ed.). Civil Code. Book One. General Provisions: Project of the Imperial Consolidated Editorial Committee on Framing of the Civil Code (with Commentaries Taken Out of the Works of the Editorial Committee) [Grazhdanskoe ulozhenie. Kn. 1. Polozheniya obshchie: projekt Vysochayshe uchrezhdennoy Redaktsionnoy komissii po

sostavleniyu Grazhdanskogo ulozheniya (s ob’yasneniyami, izvlechennymi iz trudov Redaktsionnoy komissii)] (in Russian). Moscow, Wolters Kluwer, 2007. 288 p.

Vas’kovskiy E.V. Coursebook on Civil Law [Uchebnik grazhdanskogo prava] (in Russian). Moscow, Statut, 2003. 382 p.

Venediktov A.V. Socialist Public Property [Gosudarstvennaya sotsialisticheskaya sobstvennost’] (in Russian). Moscow — Leningrad, Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR, 1948. 834 p.

Venediktov A.V. Selected Works on Civil Law: in 2 Vol. Vol. II [Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: v 2 t. T. II.] (in Russian). Moscow, Statut, 2004. 557 p.

Vilkin S.S. “On the Normative Theory of Decisions of an Organ of a Legal Entity” [O normativnoy teorii resheniya organa yuridicheskogo litsa] (in Russian). Civil Law Review [Vestnik grazhdanskogo prava]. 2008. No. 2. P. 43–67.

Vilkin S.S. “On the Process of Making of a Decision by a Legal Entity’s Collegial Body” [O protsesse prinyatiya resheniya kollegial’nym organom yuridicheskogo litsa] (in Russian). Civil Law Review [Vestnik grazhdanskogo prava]. 2009. No. 1, available at ConsultantPlus Legal Reference System.

Yakushev V.S. Selected Works on Civil and Business Law [Izbrannye trudy po grazhdanskomu i khozyaystvennomu pravu] (in Russian). Ekaterinburg, Biznes, menedzhment i pravo, 2007. 440 p.